

Антон Антонович Дельви́г

**Стихотворения, не вошедшие
в сборник 1829 года**

Содержание

#1	0008
СОДЕРЖАНИЕ	0009
2. "От вод холмистых, средиземных..."	0010
4. "Настанет час ужасной брани..." 5. Пиит и эхо	0011
8. Аполог 9. К голубку	0012
11. Хлоя 12. К поэту-математику 13. На взятие Парижа	0013
15. Триолет к «князю» Горчакову 16. К Темире 17. Тленность 18. К Т-ву 19. Поляк (Баллада)	0014
21. Тихая жизнь 22. К Лилете (Зимой) 23. Дифирамб (1816. 15 апреля) 24. На смерть Державина 25. Переменчивость (К Платону) 26. На смерть кучера Агафона 27. Бедный Дельвиг	0015
28. Подражание 1-му псалму 29. В альбом княжне Волконской	0017
31. Мои четыре возраста (Экспромт)	0018
33. Надпись к моему портрету	0019
35. Близость любовников (Из Гете) 36. Досада 37. К фантазии 38. Богиня Там и бог Теперь (К Савичу)	0020
41. Элизиум поэтов 42. Разговор с гением 43. К к «княжне» Т. Волконской 44. Фани (Горацианскля ода)	0021
47. К Пушкину (В альбом)	

49. К Шульгину	0022
55. Призвание 56. Моя хижина	0023
87. (19 октября 1822)	0026
1. РУССКАЯ ПЕСНЯ	0029
2.	0031
3.	0033
4.	0036
6. ЭПИТАФИЯ	0039
8. АПОЛОГ	0042
1813	0043
1813	0045
11. ХЛОЯ	0046
13. НА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА	0056
1814	0060
1814	0063
17. ТЛЕННОСТЬ	0065
19. ПОЛЯК	0069
20. К К<НЯЗЮ> Г<ОРЧАКОВУ>	0074
1815	0076
23. ДИФИРАМБ	0080
25. ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ	0086
1816	0087
28. ПОДРАЖАНИЕ 1-МУ ПСАЛМУ	0090
29. В АЛЬБОМ КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ	0092
33. НАДПИСЬ К МОЕМУ ПОРТРЕТУ	0095
36. ДОСАДА	0097
38. БОГИНЯ ТАМ И БОГ ТЕПЕРЬ	0103
39. ДИФИРАМБ	0108

42. РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ	0112
43. К К<НЯЖНЕ> Т. В<ОЛКОНСКОЙ>	0116
44. ФАНИ	0117
46. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИКОВ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ	0120
47. К ПУЩИНУ	0123
50. К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ	0126
51. К ДРУЗЬЯМ	0128
53. К И. И. ПУЩИНУ	0130
1817?	0133
1817	0135
1817	0137
1818	0139
1818	0141
1818	0144
1818 60	0146
62. ЭПИТАФИЯ	0150
1819	0153
1819 66	0155
1819	0157
69. КУПИДОНУ	0163
70. ПОЭТ	0164
72. ПЕРЕВОДЧИКУ ВИРГИЛИЯ	0166
75. ЛЕКАРСТВА ОТ НЕСЧАСТИЙ	0169
77. Г. КРИТИКУ ПОЭМЫ "РУСЛАН И ЛЮДМИЛЫ"	0172
1820	0173
1820	0176

1820	0177
82. К ЕВГЕНИЮ	0180
83. ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ	0184
1821(?)	0186
1822	0189
1822	0190
88	0191
91. К СОФИИ	0194
93. К ОШЕЙНИКУ СОБАЧКИ ДОМИНГО	0197
1823	0198
1824	0201
1824	0202
1824	0203
100	0205
103	0208
1827 104	0209
1828 105. ХОР	0210
1828	0212
1828	0213
1825	0214
1828	0215
111. ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЯНИЯ	0223
ПРИ ПОСЫЛКЕ ТЕТРАДИ СТИХОВ	0230
1829 113	0231
1829	0232
1829 115	0233
1829	0235
1829	0236

1829	0237
1829	0239
1829	0240
1829 121	0241
1830 123	0243
125	0245
127	0247
128	0248
129	0249
130	0250
131	0251
132	0252
133	0253
134	0254
55-56, 58-59, 61-64, 66-68, 70-71, 73-78, 81-82, 84, 86, 88-89, 92-93,	0259
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	0265
1961	0267
АН СССР	0269
1922	0270
1974	0271
1938	0272
1972	0274
СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 ГОДА	0277
1815)	0281
392	0288
322-323)	0301

Антон Антонович Дельви́г

**Стихотворения, не вошедшие
в сборник 1829 года**

А.А.Дельвиг. Сочинения
Л., "Художественная литература", 1986
OCR Бычков М.Н. <mailto:bmnn@lib.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

1. Русская песня ("Как разнесся слух по Петрополю...")

**2. "От вод холмистых,
средиземных..."**

3. "Дщерь хладна льда! Богиня разруше-
нья..."

4. "Настанет час ужасной брани..."

5. Пиит и эхо

6. Эпитафия ("Прохожий, здесь не стой! беги скорей, уйди...")

7. Стихи на рождение В. К. Кюхельбекера

8. Аполог

9. К голубку

10. Эпиграмма ("Поэт надутый Клит...")

11. Хлюя

12. К поэту-математику

13. На взятие Парижа

14. Послание к А. Д. Илличевскому

**15. Триолет к«нязю»
Горчакову**

16. К Темире

17. Тленность

18. К Т-ву

19. Поляк (Баллада)

20. К к«нязю» Г«орчакову»

21. Тихая жизнь

22. К Лилете (Зимой)

**23. Дифирамб (1816. 15
апреля)**

24. На смерть Державина

**25. Переменчивость (К
Платону)**

**26. На смерть кучера
Агафона**

27. Бедный Дельвиг

28. Подражание 1-му псалму

**29. В альбом княжне
Волконской**

30. Переводчику Диона

31. Мои четыре возраста (Экспромт)

32. Любовь ("Что есть любовь? Несвязный сон...")

33. Надпись к моему портрету

34. К А. М. Т-й

35. Близость любовников (Из Гете)

36. Досада

37. К фантазии

**38. Богиня Там и бог Теперь
(К Савичу)**

39. Дифирамб ("Други, пусть года несут-
ся...")

40. Жаворонок

41. Элизиум поэтов

42. Разговор с гением

**43. К к<няжне> Т.
В<олконской>**

44. Фани (Горацианскля ода)

45. К А. С. Пушкину ("Как? житель гордых
Альп, над бурями парящий...")

46. Прощальная песнь воспитанников Цар-
скосельского Лицея

47. К Пущину (В альбом)

48. К А. Д. Илличевскому (В альбом)

49. К Шульгину

50. К Кюхельбекеру ("И будет жизнь не в жизнь и радость мне не в радость...")

51. К друзьям ("Я редко пел, но весело, друзья!..")

52. В альбом ("Не мило мне на новоселье...")

53. К И. И. Пущину (4-го мая)

54. А. С. Пушкину (Из Малороссии)

55. Призвание

56. Моя хижина

57. Осенняя картина

58. К Илличевскому (В Сибирь)

59. К Е. А. Кильштетовой
60. "В сей книге, в кипе сей стихов..."

61. Утешение бедного поэта

62. Эпитафия (Экспромт)

**63. Песня ("Как ни больно сердца
муки...")**

64. К Евгению ("За то ль, Евгений, я Гораций...")

65. Е. А. Б-вой (Отсылая ей за год пред тем для нее же написанные стихи)

66. "Друзья, поверьте, не грешно..."

67. В день моего рождения

68. Видение (Кюхельбекеру)

69. Купидону

70. Поэт ("Что до богов? Пускай они...")

71. Успокоение

72. Переводчику Virгилия

73. Ф. Н. Глинке (Присылая ему греческую антологию)

74. Евгению ("Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и она улетела)...")

75. Лекарства от несчастий

76. Романс ("Просимся, рыцарь, путь далекий...")

77. Г. критику поэмы "Руслан и Людмила"

78. К ласточке

79. Эпитафия ("Завидуйте моей судьбе!..")

80. Крылову

81. В альбом П. А. Спа-кой

82. К Е«вгению» ("Ты в Петербурге, ты со мной...")

83. Подражание Беранже

84. В альбом Б«аратынскому»

85. Застольная песня "Es kann schon nicht immer so bleiben!" (Посвящена Баратынскому и Коншину)

86. Сонет ("Я плыл один с прекрасною в гондоле...")

87. (19 октября 1822)

88. "София, вам свои сонеты..."

89. К А. Е. Измайлову)
90. К Морфею

91. К Софии ("За ваше нежное участие...")

92. "Анахорет по принуждению..."

93. К ошейнику собачки Доминго

94. Петербургским цензорам

95. "До рассвета поднявшись, извозчика
взял..."

96. "Твой друг ушел, презрев земные дни..."

97. "Федорова Борьки..."

98. 19 октября 1824

99. 19 октября 1825

100. "Снова, други, в братский круг..."

101. А. Н. Карелиной при посылке "Северных цветов" на 1827 год

102. Сонет ("Что вдали блеснуло и дымится?..")

103. "Хвостова кипа тут лежала..."

104. "Я в Курске, милые друзья..."

105. Хор для выпуска воспитанниц харьковского института

106. В альбом Е. П. Щербининой (В день ее рождения)

107. (Русская песня) ("И я выду ль на крылечко...")

108. Русская песня ("Как за реченькой слободушка стоит...")

109. Русская песня ("По небу Тучи громовые ходят...")

110. Отставной солдат (Русская идиллия)

111. Изобретение ваяния (Идиллия)

112. К П*** при посылке тетради стихов

113. "Увижу ль вас когда-нибудь..."

114. Четыре возраста фантазии

115. "Не осенний частый дождичек..."
116. Грусть
117. Малороссийская мелодия
118. Русская песня ("Как у нас ли на кро-
вельке...")
119. Слезы любви
120. Удел поэта
121. "За что, за что ты отравила..."
122. Поэт ("Долго на сердце хранит он глу-
бокие чувства и мысли...")
123. "Смерть, души успокоенье!..."
124. Русская песня ("Я вечер в саду, младе-
шенька, гуляла...")
125. "Пусть нам даны не навсегда..."
126. (Набросок драматической поэмы о Тас-
со)
127. "От души ль ты, господин служивый..."
128. "На теплых крыльях летней тьмы..."
129. "И вещего бояна опустили..."
130. "Мы весело свои кончали дни!..."
131. "Когда крылам воображенья..."
132. "Певец Онегина один..."
133. "Друг Пушкин, хочешь ли отведать..."
134. "Нет, я не ваш, веселые друзья..."

1. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как разнесся слух по Петрополю,
Слух прискорбнейший россиянину,
Что во матушку Москву каменну
Взошли варвары иноземный.
То услышавши, отставной сержант
Подозвал к себе сына милого,
Отдавал ему свой булатный меч
И, обняв его, говорил тогда:
"Вот, любезный сын, сабля острая,
Неприятелей разил коей я,
Бывал часто с ней во сражениях,
Умирать хотел за отечество
И за батюшку царя белого.
Но тогда уже перестал служить,
Как при Требио кален_о_ ядро
Оторвало мне руку правую.
Вот еще тебе копьё меткое,
С коим часто я в поле ратовал.
Оседлай, мой друг, коня доброго,
Поезжай разить силы вражески
Под знаменами Витгенштейна,

Вождя славного войска русского.
Не пускай врага разорити Русь
Иль пусти его через, труп ты своих
7 сентября 1812

От вод холмистых, средиземных
 Дождливый ветер полетел,
 Помчался в дол, и тучи темны
 На небо синее навел.
 Столетние дубы ломает и гнет
 И гонит со треском по озеру лед.
 На Альпах снег звездчатый тая
 По ребрам гор гремя летит,
 Река, пределы расширяя,
 Как море, по лугу бежит.
 Высокие волны с громадами льда
 Одна за другою несутся шумя.
 На каменных столбах широкий
 Через быстру реку мост лежит,
 И на середине – одинокий
 Дом бедного пловца стоит.
 Живет он с детьми и с верной женой,
 Страшися, пловец, быть так «близко» {*} с
 волной.
 Волна волну предупреждая
 Кругом уж хижины шумит,

И руки кверху поднимая
Семья, рыдая, вдаль глядит.
О небо! ужели назначено нам
Быть лютою жертвой свирепым волнам.
Ревели волны, завывали,
И по обоим берегам
Столбы и своды отрывали
И с шумом ластились к стенам,
Волны заглушая и бурь грозных вой,
Рыдает пловец и с детьми, и с женой.
1812 или 1813
{* В автографе "быстро" (описка. – Сост.)}

— Дщерь хладна льда! Богиня разрушенья,
Тебя, россиян мать, на лире воспою,
Зима! к тебе летит мое воображенье;
Желаю изразить волшебну красоту.
Когда, последуя холодному Борею,
Опустошаешь ты зеленые луга,
Ложася на весь мир, десницею твоею
Повсюду сеются пушистые снега.
Дотронешься к водам – и воды каменеют
И быстрый ручеек, окован, не журчит;
Дотронешься к лесам – и деревья пустеют,
Не зефир между их, но бурный ветр сви-
стит.

Не любишь песен ты, не знаешь хоровода,
Унылый соловей вдали отсель поет.
В унынии, цепях печалится природа,
И солнце красное тебя страшится зреть.
Но любишь ты народ, с которым обитаешь,
Лиешь в него любовь и грудь его крепишь,
Блюдешь, как нежных чад, от бури укрыва-
ешь

И храбрость на боях в душе его живишь.
Недавно с запада, как тучи громоносны,
Стремилися враги россиян поразить,
Шагнули в их предел – гремят перуны гроз-
ны,

И зарево Москвы багровое горит.
Возрела мрачно ты – метели зашумели
И бури на врагов коварных понеслись,
Ступила на луга – и мразы полетели
И, как от ветра прах, враги от нас взви-
лись.

О муза, возвести, хотя на слабой лире,
Ее все прелести, которы видим мы,
Когда, одеянна во ледяной порфире,
Вселенную тягчит алмазными цепьми.
Еще лиется дождь, и листья пожелтелы
С дерев развесистых шумя на дол летят,
Стоят в безмолвии дождем омыты селы,
И в роще хоры птиц, в гнездах сидя, мол-
чат.

Вдруг снежны облака над полем нанесутся,
И снег луга и лес звездчатый обелит,
И мразы бурные от дремоты проснутся
И ратовать Борей на землю полетит.
Все будто оживет, и вранов стая с криком

Чернеющим крылом покроет небеса,
И с воем серый волк со взором мрачным,
дики!

Помчится по холмам с добычею в леса.

1812 или 1813

Настанет час ужасной брани,
И заструится кровь рекой,
Когда порок среди стенаний
Восторжествует над землей.
Брат кровью брата обагрится,
Исчезнет с дружеством любовь,
И жизни огонь в отце затмится
Рукой неистовой сынов.
Вослед, метелями повита,
Зима с бореями придет
Из мрачных пропастей Коцита
И на вселенную падет.
Три лета не увидит смертный
В полях ни роз, ни васильков,
И тихий ветерок вечерний
Не будет колебать кустов.
Чудовища с цепей сорвутся
И полетят на мир толпой.
Моря драконом потрясутся,
Земля покроется водой.
Дуб твердый и ветвисты ивы

Со треском на луга падут.
Утесы мшисты, горделивы
Друг друга в океан сотрут.
Свои разрушит Фенрис цепи
И до небес разверзнет пасть,
И вой поднимется свирепый,
И огонь посыпется из глаз.
Светильник дня животворящий,
Который обтекает свет,
Во всем величии горящий,
В его ужасный зев падет.
1812 или 1813

5. ПИИТ И ЭХО

П. О лира милая, воспой мне, ах, воспой!
Иль оду, иль рондо, иль маленький сонет!
Э... нет.
П. Почто несчастного не слушаешь, почто?
Ужель не воспоешь ты, лира, никогда?
Э.... Да.
П. Так я ин рассержусь и лиру изломаю.
И ты не тужишь?
Э... шутишь.
1813 года

27 февраля.
Лицей.

6. ЭПИТАФИЯ

Прохожий, здесь не стой! беги скорей, уйди,
И то на цыпочках и не шелох никак.
Подьячий тут лежит – его не разбуди!
А то замучает тебя! "понеже так".
27 февраля 1813

7. СТИХИ НА РОЖДЕНИЕ В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Мрак распростерся везде. – И я под крыла-
ми Морфея,
Скукой вчера отягчен, усыпился и грезил.
Будто б муза ко мне на облаке алом слете-
ла,
И благодать воцарилась в бедной хате пи-
ита.
С благоговеньем взирал на прелестны бо-
гинины взоры,
Руку простер я возжечь фимиам, но рука
онемела,
Как от волшебной главы злой Медузы сын

пропасти лютой.

"Феб! – я воскликнул, – почто я последней лишаюся силы?

Что отвергаешь мои тебе приносимые жертвы?

Или назначил мне рок вовеки не быть твоим сыном?"

– "Нет! – мне сказала тогда богиня со пламенным взором, -

Ты преступаешь закон – и в неге Морфею предался.

Спишь – и твоя на стене пребывает в безмолвии лира!

Спишь – и фантазии луч остается тобой не обделан!

Встань, отряси от очей последню дремоту, и лирой

Превознеси ты тот день, который увидел рожденье,

Славой увенчанна век еще молодого пиита.

Да воспоется тобою Вильгельма счастливая участь!"

Я встrepенулcя, восстал и на лире гремящей Вильгельму

Песнь воспел: "О любимец пресветлого Фе-
ба, ты счастлив!

Музы лелеют тебя и лирою слух твой пле-
няют!

Ты не рожден быть со мною на степени
равной Фортуны -

Нет! твой удел с Алцеем и Пиндаром равен
пребудет,

Лирой, как древний Орфей, поколеблешь
ты камни и горы!

Парки, прядите вы жизнь Вильгельмову
многие лета!

Дайте, чтоб бедный пиит его славу бес-
смертну увидел!"

Июнь 1813

8. АПОЛОГ

Из ближнего села
В Москву на торг пространный
Душистые цветы пастушка принесла,
Поутру кои набрала
Во рощице пространной.
"Купите у меня, купите, – говорит
Угрюмой госпоже, котора там ходила:
Приятным запахом здесь роза всех дарит,
Росу вот на себе фиалка сохранила,
Она и страз светлей! -
Купите сей букет фиалок и лилей".
"Ах нет, зачем мне их, когда они увянут
И к вечеру сему лить аромат престанут".
– "Но я, сударыня, не говорила вам,
Дано что от небес бессмертие цветам".
– – Вот то о повестях моих я рассуждаю
И им бессмертия вовек не ожидаю.

9. К ГОЛУБКУ

Здесь тихо все, здесь все живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил -
Печальны все, что радость нам являли.
И там, где счастье мне пел,
Сидя на дереве ветвистом,
Сшиб ветр его вчера со свистом.
Лети отсель!
Лети отсель, пусть буду я томиться,
Пусть я один здесь слезы буду лить,
Нет счастья мне, могу ль на свете жить,
Беги меня, приятно ли крушиться.
И счастье с тобой имел,
Но нет, оно меня кидает.
Ужель печаль не устрашает?
Лети отсель!
Лети отсель, и, может быть, весной
Услышишь ты страдальца тихий стон,
То буду я, скажи: печален он,

Не тронься мной, пусть счастье с тобою.
Я жить сперва с тобой хотел,
Но я печаль лишь умножаю,
Ужель тебя не убеждаю?
Лети отсель!

10. ЭПИГРАММА

Поэт надутый Клит
Навеки заклился со мною говорить.
О Клит возлюбленный! смягчися, умоляю:
Я без твоих стихов бессонницей страдаю!
〈1814〉

11. ХЛОЯ

Хлоя старика седого
Захотела осмеять
И шепнула: "Я драгого
Под окошком буду ждать".
Вот уж ночь; через долину,
То за холмом, то в кустах,
Хлоя видит старичину
С длинной лестницей в руках.
Тихо крадется к окошку,
Ставит лестницу – и вмиг,
Протянув сухую ножку,
К милой полетел старик.
Близок к месту дорогому,
На щеке дрожит слеза.
Хлоя зеркало седому
Прямо сунула в глаза.
И любовник спотыкнулся,
Вниз со страха соскочил,
Побежал, не оглянулся
И забыл, зачем ходил.
Хлоя поутру спросила:

"Что же, милый, не бывал?
Уж не я ль тебя просила
И не ты ли обещал?"
Зубы в зубы ударяя,
Он со страхом отвечал:
"Домовой меня, родная,
У окна перепугал..."
Хоть не рад, но должно, деды,
Вас тихонько побранить!
Взгляньте в зеркало – вы седы,
Вам ли к девушкам ходить?
<1814>

12. К ПОЭТУ-МАТЕМАТИКУ

Скажи мне, Финиас любезный!
В какие веки неизвестны
Была Урания дружна
С поэзией голубоокой?
Скажи, не вечно ли она
Жила не с нею, одиноко,
И, в телескоп вперяя око,
Небесный измеряла свод
И звезд блестящих быстрый ход?
Какими же, мой друг! судьбами

Ты математик и поэт?
Играешь громкими струнами,
И вдруг, остановя полет,
Сидишь над грифельной доскою,
Поддерживая лоб рукою,
И пишешь с цифрами ноли,
Проводишь длинну апофему,
Доказываешь теорему,
Тупые, острые углы?
Возможно ли, чтобы девица,
Как лебедь статна, белолица,
Пленилась модником седым,
И нежною рукой своею
Его бы обнимая шею,
В любви жила счастливо с ним?
Скажи, как может восхищенье,
Души чувствительной стремленье,
Тебя с мечтами посещать?
Как пишешь громкие ты оды
И за пределами природы
Миры стремишься населять
Людьми, которы неподвластны
Ни злу, ни здешним суетам,
У них в сердцах – любви храм;
Они – все юны, все прекрасны

И улыбаются векам,
Летающим быстрою стрелою
С неумолимою косою?
В восторге говорит поэт,
Любовь Алине изъясняя:
"Небесной красотой сияя,
Ты солнца помрачаешь свет!
Твои блестящи, черны очи,
Как светлый месяц зимней ночи,
Кидают огонь из-под бровей!"
Но математик важно ей
Все опровергнет, все докажет,
Определит и солнца свет,
И действие лучей покажет
Через преломленье на предмет;
Но, верно, утаит, что взоры
Прелестной, райской красоты
Воспламеняют камни, горы,
И в сердце сладки льют мечты. -
Дерзнешь ли, о мой друг любезный!
Перед натурой токи слезны
Пролив, стремиться к ней душой?
На небесах твой путь опасный
Препнут и Лев, и Змей ужасный,
И лютый Тур поднимет вой!

Через линейки, микроскопы,
Через циркули и телескопы
Шагать устанешь, милый друг,
И выпранный оставишь круг!
Оставишь... и на табурете
В своем укромном кабинете
Зачнешь считать, чертить, марать -
И музу в помощь призывать!
И вот, чрез множество мгновений
Твои слова от сотрясений
К ее престолу долетят.
На острый нос очки надвиня,
Берет орудии богиня,
Межует облаков квадрат.
Большие блоки с небесами
Соединяются гвоздями
И под веревкою скрипят.
И загремела цепь железна;
Открылась музе поднебесна
И место, где витаешь ты.
И *Герой* облако влечется
И ветерком туда, сюда,
Колеблясь в бок, в другой, несется,
На твой спускаясь кабинет.
Вот бледный и дрожащий свет

Вдруг осенил твою обитель!
Небес веселых мрачный житель
Является перед тобой.

"Стремись, мой сын, стремись за мной, -
Богиня с важностью вещает, -

Уже бессмертие тебе
Венцы лавровые сплетает!

Достигни славы в тишине!

С Ньютоном испытай природу,

С Бландшардом по небесну своду

Как дерзостный орел летай!

Бесстрашно измеряй пучину,

Скажи всем действиям причину

И новы звезды открывай!"

И се раскрылся пред тобою

Промчавшихся веков завес,

И зришь: в священный темный лес

Идут ученые толпою.

Кружась на ветреных крылах,

Волнится перед ними прах -

И рвет их толстые творенья.

Что делать, – плачут, да идут.

И средь такого треволненья

Одни – за Алгеброй бегут,

Те – Геометрию хватают,

Иль, руки спустя, рыдают.
Недосягаемый никем
Между кремнистыми скалами
За Стикса мрачными берегами
Главу возносит, как илем,
Престол богини измеренья,
И Крон не сыплет разрушенья
На хладны мраморны столбы!
Отсель богиня взор кидает
На многочисленны толп_ы_.
Не многих слушает мольбы,
Не многих лаврами венчает {*}.
Но грянет по струнам поэт
И лишь богиню призовет -
При звуке сладостныя лиры,
Впрыгнутся в облако зефиры,
Крылами дружно размахнут,
Помчатся с Пинда, понесут -
И вот в эфирном одеяньи,
Певец! она перед тобой
В венце, в божественном сияньи,
Пленяющая красотой!
И ты падешь в благоговеньи
Перед подругою твоей!
Гремишь струнами в восхищеньи,

И ты могучий чародей!
Не воздух на небе сгущенный,
Спираясь между собой,
Перуны шлет из тучи темной
И проливает дождь рекой, -
То гневный Зевс водоточивый
На смертный род, всегда кичливый,
Льет воды и перун десной
Кидает на полки строптивы.
И не роса на дол падет,
Цветы душисты освежая; -
Аврора, урну обнимая,
Над прахом сына слезы льет.
Не воздух, звуком сотрясенный,
К лесам относит голос твой:
Ах, нет! под тению священной,
Пленясь Нарцисовой красой,
Несчастлива Нимфа въздыхает
И грусть с тобою разделяет.
Не солнце, рассевая тень,
На землю сводит ясный день, -
То Феб прекрасный, сановитый,
Лучами светлыми повитый,
Удерживая бег коней,
У коих пламя из ноздрей,

Летит в блестящей колеснице,
Последуя молодой деннице.
Так славный Боало певал,
Бросая огонь от громкой лиры;
Порок бледнел и трепетал,
Внимая грозный глас сатиры.
Мессии избранный певец!
Ты арфою пленял вселенну;
Тебе, хвалой превознесенну,
Омиры отдают венец.
Пиндара, Флакка победитель,
Небесных песней похититель,
Державин россов восхищал!
Под дланью трепетали струны,
На сильных он метал перуны -
И добродетель прославлял.
И здесь, когда на вражьи строи
Летели росские герои,
Спасая веру и царя,
Любовью к родине горя,
В доспехах бранных, под шатрами,
Жуковский дивными струнами
Мечи ко мщенью извлекал -
И враг от сих мечей упал.
Но ты сравнишься ли с ними,

Когда, то музами водимый,
То математикой своей,
Со всеми разною стезей
Идешь на.высоты Парнаса
И ловишь сов или Пегаса?
Измерь способности свои:
Иль время провождай с доскою
И треугольники пиши;
Иль нежною своей игрою
Украшь друзей приятный хор,
Сзывая пиэрид собор.

⟨1814⟩

{* Читатели извинят, что я в сем месте воспользовался описанием зимы г-на Хераскова, что единственно по сходству математики с холодом.}

13. НА ВЗЯТИЕ ПАРИЖА

В громкую цитру кинь персты, богиня!
Грянь, да, услышав тебя, все народы
Скажут: не то ли перуны Зевеса,
Коими в гневе сражает пороки? -
Пиндара муза тобой побежденна;
Ты же не игры поешь Олимпийски,
И не царя, с быстротою летяща
К цели на добром коне сиракузском,
Но Александра, царя миролюбив,
Кем семиглавая гидра сраженна!
О, вдохновенный певец,
Пиндар российский, Державин!
Дай мне парящий восторг!
Дай, и вовеки прославлюсь,
И моя громкая лира
Знаема будет везде!
Как в баснословные веки
Против Зевеса гиганты,
Горы кремнисты на горы
Ставя, стремились войною,
Но Зевс вдруг кинул перуны -

Горы в песок превратились,
Рухнули с треском на землю
И – подавили гигантов, -
Галлы подобно на россов летели:
Их были горы – народы подвластны!
К сердцу России – к Москве, доносили
Огонь, пожирающий грады и веси...
Царь миролюбный подобен Зевесу
Долготерпящу людей зря пороки.
Он уж готовил погибель Сизифу,
И возжигались блестящи перуны;
Враг уж в Москве – и взгремели перуны,
Горы его под собою сокрыли.
Где же надменный Сизиф?
Иль покоряет россиян? -
В тяжких ли россы цепях
Слезную жизнь провождают?
Нет, – гром оружия россов
Внемлет пространный Париж!
И победитель Парижа,
Нежный отец россиянам,
Пепел Москвы забывая,
С кротостью галлам прощает
И как детей их приемлет.
Слава герою, который

Все побеждает народы
Нежной любовью – не силой!
Ведай, богиня! Поэт беспристрастный
Должен пороки показывать мира.
Страх не зная, царю он вещает
Правду – не низкие лестии вельможи!
Я не пою олимпийских героев;
Славить не злато меня побуждает, -
Нет, только подвиги зря Александра,
Цитру златую ему посвящаю!
Век на ней буду славить героя
И вознесу его имя до неба!
Кроткий российский Зевес!
Мрачного сердцем Сизифа
Ты низложил и теперь,
Лавром побед увенчанный,
С поля кровавого битвы
К верным сынам возвратися!
Шлем свой пернатый с забралом,
Острый булат и тяжелы
Латы сними – и явися
В светлой короне, в порфире
Ты посреди сынов верных!
В мире опять, в благоденстве
Царствуй над ними – и слава

Будет вовеки с тобою!

14. ПОСЛАНИЕ К А. Д. ИЛЛИЧЕВ-СКОМУ

Скажи, любезный друг, скажи твою науку,
Как пишешь ты стихи, не чувствуя в
них скуку,

Как рифма под перо сама к тебе идет
И за собою сто соотчичей ведет,
Как можешь ты писать столь плавно и
приятно

И слог свой возвышать высоко, но всем
внятно.

Признаться, прочитав подчас твои стихи,
Браню я чистых муз, что так ко мне лихи,
Что, не внимаючи мне, бедному поэту,
Дают мои стихи на посмеянье свету!
Поверишь ли – весь день я с места не схо-
жу

И за труды мои уродов лишь рожу.
Кряхчу над рифмою, над мерою проклятой.
Ругая Пинд и муз, весь яростью объятый.

А иногда в саду под ивою сижу
И на гору Парнас, зеваючи, гляжу,
Настрою лиру лишь и напишу: "баллада",
Взбренчу – струна вдруг хлоп – сбиваюся я
с лада,

"О лира злобная!" – с досадой я кричу
И с Пинда лбом на низ без памяти лечу.
Почто я не могу быть равен с тем поэтом,
За масленицу кто одобрен целым светом,
Иль тем, кто в мир рожден, чтоб лирой нас
пленять

И музою своей, как куколкой, играть;
Иль тем, Полорда кто приятно так предста-
вил,

Или Пожарского кто прозою прославил,
Кто Изяслава нам приятно так воспел,
Сердца Силистрией, Москвою нам согрел;
Кто о Европе на «м» «в» журнале возвещает
Иль в роще Марьиной кто сильно так ры-
дает,

Иль тем, кто так весну нам красно описал,
Иль «...» на свете нам кто с мудрецом пе-
вал;

Иль тем, чей Алманзор, чьи Алпы и чья
белка,

Теласко чей велик, как крепкий дуб иль елка.

Нет, не могу никак быть с ними наряду,
И, точно сирота, я на Парнас бреду.
Тебя, любезный друг, тебя прошу усердно,
Со мною ежели сидеть тебе не вредно,
То научи меня, как рифму к рифме шить
И оду полную стихами как набить.

15. ТРИОЛЕТ К «НЯЗЮ» ГОРЧАКОВУ

Тебе желаю, милый князь,
 Чтобы отныне жил счастливо,
 Звездами, почестями гордясь!
 Тебе желаю, милый князь,
 Видать любовь от черных глаз:
 То для тебя, ей-ей, не диво.
 Тебе желаю, милый князь,
 Чтобы отныне жил счастливо!
 30 августа 1814

16. К ТЕМИРЕ

Как птичка резвая, младая,
 Ты под крылом любви растешь,
 Мирских забот еще не зная,
 Вертишься и поешь.
 Но детство быстро унесется,
 С ним улетит и твой покой,
 И сердце у тебя забьется

Неведомой тоской.

Тщеславие тебя цветами
Прилежно будет убирать,
И много лет пред зеркалами
Придется потерять.

Здесь мода всеми помыкает,
Чернит, румянит и белит,
Веселых плакать заставляет,
Печальным петь велит.

И ты помчишься за толпою
В чертог блестящей суеты -
И истинной почтешь красою
Поддельные цветы.

Но знай, что счастье на свете
Не в жемчугах, не в кружевах
И не в богатом туалете,
А в искренних сердцах.
Цвети, Темира дорогая,
Богиней красотою будь,
В столице роскоши блистая,
Меня не позабуди!

⟨1815⟩

17. ТЛЕННОСТЬ

Здесь фиалка на лугах
С зеленью пестреет,
В свежих Флоры волосах
На венке краснеет.
Юноша, весна пройдет,
И фиалка опадет.
Розой, дева, украшай
Груды молодые,
Другу милому венчай
Кудри золотые.
Скоро лету пролететь,
Розе скоро не алеть.
Под фиалкою журчит
Здесь ручей серебристый,
С ранним днем ее живит
Он струею чистой.
Но от солнечных лучей
Летом высохнет ручей.
Тут, за розовым кустом,
Пастушок с пастушкой,
И Амур, грозя перстом:

"Тут пастух с пастушкой!
Не пугайте! – говорит. -
Миг – и осень прилетит!"
Там фиалку, наклонясь,
Девушка срывает,
Зефир, в волосы вплетясь,
Локоном играет, -
Юноша! краса летит,
Деву старость посетит.
Кто фиалку с розой пел
В радостны досуги
И всегда любить умел
Вас, мои подружки, -
Скоро молодой певец
Набредет на свой конец!
〈1815〉

18. К Т-ВУ

Еще в молодые годы,
Бренча струной не в лад,
За пиндарские оды
Я музами проклят.
Подняв печально руки,
С надеждою в очах,

Познаний от науки
Я требовал в слезах.
Наука возвратила
Мне счастье и покой
И чуть не примирила
С завистливой судьбой.
Но я, неблагодарный,
(Чем тихомолком жить!)
С улыбкою коварной
Стал дщерь ее бранить.
И, взявши посох в руки,
На цыпочках, тишком
Укрылся от науки
С затейливым божком.
Амур к молодой Темире
Зажег во мне всю кровь,
И я на томной лире
Пел радость и любовь.
Простился я с мечтою,
В груди простыла кровь,
А все еще струною
Бренчу кой-как любовь -
И в песнях дышит холод,
В элегиях бомбаст;
Сатиров громкий хохот

Моя на Пинде часть,
〈1815〉

19. ПОЛЯК

(Баллада)

Бородинские долины
Осребрялися луной,
Громы на холмах немели,
И вдали шатры белели
Омраченной полосой!
Быстро мчались поляки
Вдоль лесистых берегов,
Ива листьями шептала,
И в пещерах завывала
Стая дикая волков.
Вот в развалинах деревня
На проталине лежит.
Бурные, ночлег почуя,
Гривы по ветру волнуя,
Искры сыпали с копыт.
И стучит поляк в избушку:
"Есть ли, есть ли тут жилой?"
Кто-то в окнах шевелится,
И громчей поляк стучится:
"Есть ли, есть ли тут жилой?"

– "Кто там?" – всадника спросила
Робко девица-краса. -

"Эй, пусти в избу погреться,
Буря свищет, дождик льется,
Тьмой покрыты небеса!"

– "Сжался надо мной, служивый!
Девица ему в ответ. -

Мать моя, отец убиты,
Здесь одна я без защиты,
Страшно двери отпереть!"

– "Что красавице бояться?

Ведь поляк не людоед!

Стойла конь не искушает,

Сбруя стопку не ломает,

Стол под ранцем не падет".

Дверь со скрипом отскочила,

Озирается герой;

Сняв большую рукавицу,

Треплет красную девицу

Он могучею рукой.

"Сколько лет тебе, голубка?"

– "Вот семнадцатый к концу"!

– "А! так скоро со свечами,

Поменявшись кольцами,

С суженым пойдешь к венцу!

Дай же выпить на здоровье
Мне невесты с женихом.
До краев наполнись, чаша,
Будь так жизнь приятна ваша!
Будь так полон здешний дом!"
И под мокрой епанчею
Задремал он над ковшом.
Вьюга ставнями стучала,
И в молчании летала
Стража польская кругом.
За гремящей самопрялкой
Страшно девице одной,
Страшно в тишине глубокой
Без родных и одинокой
Ей беседовать с тоской.
Но забылась – сон невольно
В деве побеждает страх;
Колесо чуть-чуть вертится,
Голова к плечу клонится,
И томленье на очах.
С треском вспыхнула лучина,
Тень мелькнула на стене,
В уголку без покрывала
Дева юная лежала,
Улыбаясь в тихом сне.

Глядь поляк – прелестной груди
Тихим трепетом дышат:
Он невольно взоры мечет,
Взор его желаньем блещет,
Щеки пламенем горят.
Цвет невинности непрочен,
Как в долине василек:
Часто светлыми косами
Меж шумящими снопами
Вянет скошенный цветок.
Но злодей! чу! треск булата -
Слышь: "К ружью!" – знакомый глас,
Настежь дверь – как вихрь влетает
В избу русский: меч сверкает -
Дерзкий, близок мститель-час!
Дева трепетна, смятенна,
Пробудясь, кидает взгляд;
Зрит: у ног поляк сраженный
Из груди окровавленной
Тащит с скрежетом булат.
Зрит, сама себе не верит -
Взор восторгом запылал:
"Ты ль, мой милый?" – восклицает,
Русский меч в ножны бросает,
Девуцу жених обнял!

20. К К «НЯЗЮ» Г «ОРЧАКОВУ»

Здравия полный фиал Игея сокрыла в тумане,
не,

Резвый Эрот и хариты с тоскою бегут от тебя:

Бледная тихо болезнь на ложе твое наклонилась,

Сон сменяется стоном, молением друзей – тишина.

Тщетно ты слабую длань к богине младой простираешь,

Тщетно! – не внемлет Игея, молчит, свой целительный взор

Облаком мрачным затмила, и Скорбь на тебя изливает

С колкой улыбкою злобы болезни и скуки сосуд.

Юноша! что не сзовешь веселий и острого Мома?

С ними Эрот и хариты к тебе возвратятся толпой;

Лирой, звенящею радость, отгонят болезни

и скуки

И опрокинут со смехом целебный фиал на
тебя.

Дружба даст помощи руку; Вакх оживит
твои силы;

Лила невольно промолвится, скажет, крас-
нея, "люблю",

С трепетом тайным к тебе прижимаясь
невинною грудью,

И поцелуй увенчает блаженное время люб-
ви.

21. ТИХАЯ ЖИЗНЬ

Блажен, кто за рубеж наследственных полей
 ногою не шагнет, мечтой не унесется;
 Кто с доброй совестью и с милою своею
 Как весело заснет, так весело проснется;
 Кто молоко от стад, хлеб с нивы золотой
 И мягкую волну с своих овец собирает
 И для кого свой дуб в огне горит зимой
 И сон прохладой в день летний навевает.
 Спокойно целый век проводит он в трудах,
 Полета быстрого часов не примечая,
 И смерть к нему придет с улыбкой на
 устах,

Как лучших, новых дней пророчица бла-
 гая.

Так жизнь и Дельвигу тихонько провести.

Умру – и скоро все забудут о поэте!

Что нужды? я блажен, я мог себе найти

В неизвестности покой и счастье в Лилете!

⟨1816⟩

22. К ЛИЛЕТЕ

(Зимой)

Так, все исчезло с тобой! Брожу по коленам
в сугробах,

Завернувшись плащом, по опустелым лу-
гам;

Грустный стою над рекой, смотрю на угрю-
мую сосну,

Вслушиваюсь в водопад, но он во льдинах
висит,

Грозной зимой пригвожденный к диким,
безмолвным гранитам;

Вижу пустое гнездо, ветром зарытое в снег,
И напрасно ищу певичцы веселого мая.

"Где ты, дева любви? – я восклицаю в ле-
сах, -

Где, о Лилета! иль позабыла ты друга, как
эхо

Здесь позабыло меня голосом милья звать.

Вечно ли слезы мне лить и мучиться в
тяжкой разлуке

Мыслию: все ль ты моя? Или мне встре-
тить весну,

Как встречает к земле семейством привязанный узник,

После всех милых надежд, день, обреченный на казнь?

Нет, не страшися зимы! Я писал, не слушаюсь сердца,

Много есть прелестей в ней, я ожидаю тебя!

Наша любовь оживит все радости юной природы,

В воспоминаньи, в мечтах, в страстном сжимании рук

Мы не услышим с тобой порывистых свистов метели!

В холод согреешься ты в жарких объятьях моих

И поцелуем тоску от несчастного друга отгонишь,

Мрачную, с бледным лицом, с думою тихой в очах,

Скрытых развитыми кудрями, впалых глубоко под брови, -

Спутницу жизни моей, страсти несчастливой дочь".

23. ДИФИРАМБ

(1816. 15 апреля)

Либер, Либер! я шатаюсь,
Все вертится предо мной;
Дай мне руку – и с землей
Я надолго распрощаюсь!
Милый бог, подай бокал,
Не пустой и не с водою, -
Нет, с той влагой золотою,
Чем я горе запивал!
Зол Амур, клянусь богами!
Зол, я сам то испытал:
Святотатец, разбавлял
Он вино мое слезами!
Говорят: проказник сам Лишь вино в бо-
кал польется -

Присмирееет, засмеется
И хорош бывает к нам!
Так пои его ты вечно
Соком радостным твоим,
Царствуй, царствуй в дружбе с ним,
Возврати нам мир сердечный!

Как в то время я напьюсь,
В честь твою, о краснощекой!
Как я весело с жестокой,
Как я сладко обнимусь!
15 апреля 1816

24. НА СМЕРТЬ ДЕРЖАВИНА

Державин умер! чуть факел погасший ды-
мится, о Пушкин!

О Пушкин, нет уж великого! Музы над пра-
хом рыдают!

Их кудри упали развитые в беспорядке на
груди,

Их персты по лирам не движутся, голос в
устах исчезает!

Амура забыли печальные, с цепью цветоч-
ною скрылся

Он в диком кустарнике, слезы катятся по
длинным ресницам,

Забросил он лук и в молчаньи стрелу об
колени ломает;

Мохнатой ногой растоптал свирель се-
миствольную бог Пан.

Венчан осокою ручей убежал от повергну-

той урны,

Где Бахус на тигре, с толпою вакханок и древним Силеном,

Иссечен на мраморе – тина льется из мраморной урны,

И на руку нимфа склонясь, печально плещет струею!

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!

О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают!

Веселье в Олимпе, Вулкан хромоногий подносит бессмертным

Амброзию, нектар подносит Зевесов прелестный любимец.

И каждый бессмертный вкушает с амброзией сладостный нектар,

И, отворотись, улыбается Марсу Венера. И вижу

В восторге я вас, полубоги России. Шумящей толпою,

На копья склонясь, ожиданье на челах, в безмолвьи стоите.

И вот повернул седовласый Хрон часы, пресекли

Суровые парки священную нить – и восхитил к Олимпу

Святого певца Аполлон при сладостной песни бессмертных:

"Державин, Державин! хвала возвышенным поэтам! восстаньте,

Бессмертные, угостите бессмертного; юная Геба,

Омой его очи водою кастальскою! вы, о хариты,

Кружитесь, пляшите под лиру Державина! Долго не зрели

Небесные утешенья земли и Олимпа, святого пиита".

И Пиндар узнал себе равного, Флакк – философа-брата,

И Анакреон нацедил ему в кубок пылающий нектар.

Веселье в Олимпе! Державин поет героев России.

Державин умер! чуть факел погасший дымится, о Пушкин!

О Пушкин, нет уж великого! Музы над прахом рыдают.

Вот прах вещуна, вот лира висит на ветвях

кипариса,

При самом рождении певец получил ее в дар от Эрмия.

Сам Эрмий уперся ногой натянуть на круг черепахи

Гремящие струны – и только в часы небесных восторгов

Державин дерзал рассыпать по ней окрыленные персты.

Кто ж ныне посмеет владеть его громкою лирой? Кто, Пушкин!

Кто пламенный, избранный Зевсом еще в колыбели, счастливец

В порыве прекрасной души ее свежим венком увенчает?

Молися каменам! и я за друга молю вас, камни!

Любите молодого певца, охраняйте невинное сердце,

Зажгите возвышенный ум, окрыляйте юные *персты!*

Но и в старости грустной пускай он приятно на лире,

Гремящей сперва, ударяя, – уснет с исчезающим звоном!

Июль 1816

25. ПЕРЕМЕНЧИВОСТЬ

(К Платону)
Все изменилось, Платон, под скипетром старого Хрона:

Нет просвещенных Афин, Спарты следов не найдешь,

Боги покинули греков, греки забыли свободу,

И униженный раб топчет могилу твою!

26. НА СМЕРТЬ КУЧЕРА АГАФОНА

Ни рыжая брада, ни радость старых лет,
 Ни дряхлая твоя супруга,
 Ни кони не спасли от тяжкого недуга...
 И Агафона нет!
 Потух, как от копыт огонь во мраке ночи,
 Как ржанье звучное усталого коня!..
 О, небо! со слезой к тебе подьему очу
 И, бранный, не могу не спросить тебя:
 Ужель не вечно нам вожжами править

можно

И счастье в вине напрасно находить?
 Иль лучшим кучерам жить в мире лучшим
 должно.

А нам с худыми быть!..

Увы! не будешь ты потряхивать вожжею;
 Не будешь лошадей бить плетью своею;
 И, усом шевеля, по-русски их бранить;
 Уже не станешь ты и по воду ходить!
 Глас молодецкий не прольется,

И путник от тебя уж не зажмет ушей,
И при сияньи фонарей
Уж глас фореитора тебе не отзовется,
И ах! Кузьминишна сквозь слез не улыб-
нется!

Умолкло все с тобой! Кухарки слезы льют,
Супруга, конюхи венки из сена вьют,
Глася отшедшему к покою:
"Когда ты умер – черт с тобою!"
Между 1814 и 1817

27. БЕДНЫЙ ДЕЛЬВИГ

Вот бедный Дельвиг здесь живет,
Не знаем суетою,
Бренчит на лире и поет
С подругою-мечтою.
Пускай невежество гремит
Над мудрою главою,
Пускай и эгоизм кричит
С фортуною слепую, -
Один он с леностью живет,
Блажен своей судьбою,
Век свой о радости поет
И незнаком с тоскою.

О счастья не говорит,
Но счастье с тобою
Живет – и будет вечно жить
И с леностью святою!
Между 1814 и 1817

28. ПОДРАЖАНИЕ 1-МУ ПСАЛМУ

Блажен, о юноша! кто, подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем жур-
налам,

Кто час любовников пропустит в сладком
сне

И круг простых друзей предпочитает ба-
лам.

Когда неистовый влетит к нему Свистов,
Он часто по делам из комнаты выходит;
Ему ж нет времени писать дурных стихов,
Когда за книгой день, с супругой ночь про-
водит.

Зато, взгляните, он как дуб высок и прям.
Что вялый перед ним угодник дам и моды?
Цвет полных яблоков разлился по щекам,
Благоразумен, свеж он и в преклонны го-
ды.

А ты, слепой глупец, иль новый философ!
О, верь мне, и в очках повеса все ж повеса.
Что будет из тебя под сединой власов,

Когда устанешь ты скакать средь экосеса?
Скажи, куда уйдешь от скуки и жены,
Жены, которая за всякую морщину
Ее румяных щек бранится на тебя? -
Пример достойнейший и дочери и сыну!
Что усладит, скажи, без веры старика?
Что память доброго в прошедшем сохрани-
ла?

Что совесть... ты молчишь! беднее червя-
ка,
Тебе постыла жизнь, тебя страшит могила!
Между 1814 и 1817

29. В АЛЬБОМ КНЯЖНЕ ВОЛКОНСКОЙ

Сестрица! можно ли прелестную забыть?
За это Аполлон давно б мне выдрал
уши;

Но красота стрелой велела прикрепить
Амуру к сердцу мне портрет моей Танюши.
Между 1814 и 1817

30. ПЕРЕВОДЧИКУ ДИОНА

Благодарю за переводы
Моих ритмических стихов!
От одного отца рожденные уроды
Ведут свой знатный род от двух теперь от-
цов.

Между 1814 и 1817

31. МОИ ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА

(Экспромт)

Дитятей часто я сердился,

Игрушки, няньку бил;
Еще весь гнев не проходил,
Как я стыдился.
Того уж нет! и я влюбился,
Томленьем грудь полна!
Бывало, взглянет лишь Она -
И я стыдился.
Того уж нет! вот я женился
На ветреной вдове;
Гляжу – рога на голове!
Я застыдился.
Того уж нет! теперь явился
В собранье с париком.
Что ж? – громкий смех над стариком.
Тут я взбесился.
Между 1814 и 1817

32. ЛЮБОВЬ

Что есть любовь? Несвязный сон,
Сцепление очарований!
И ты в объятиях мечтаний
То издаешь унылый стон,
То дремлешь в сладком упоенье,
Кидаешь руки за мечтой

И оставляешь сновиденье
С больной, тяжелой головой.
Между 1814 и 1817

33. НАДПИСЬ К МОЕМУ ПОРТРЕТУ

Не бойся, Глазунов, ты моего портрета!
Не генеральский он, но сбудешь также
с рук,

Зачем лишь говорить, что он портрет по-
эта!

С карикатурами продай его, мой друг.
Между 1814 и 1817

34. К А. М. Т-Й

Могу ль забыть то сладкое мгновенье,
Когда я вами жил и видел только вас,
И вальса в бешеном круженье
Завидовал свободе дерзких глаз?

Я весь тогда желал оборотиться в зренье,
Я умолял: "Постой, веселое мгновенье!

Пускай я не спущу с прекрасной вечно
глаз,

Пусть так забвение крылом покроет нас!"
Между 1814 и 1817

35. БЛИЗОСТЬ ЛЮБОВНИКОВ

(Из Гете)

Блеснет заря, и все в моем мечтаньи

Лишь ты одна,

Лишь ты одна, когда поток в молчаньи

Сребрит луна.

Я зрю тебя, когда летит с дороги

И пыль, и прах

И с трепетом идет прошлец убогий

В глухих лесах.

Мне слышится твой голос несравненный

И в шуме вод;

Под вечер он к дубраве оживленной

Меня зовет.

Я близ тебя; как не была б далеко,

Ты все ж со мной.

Взошла луна. Когда б в сей тьме глубокой

Я был с тобой!

Между 1814 и 1817

36. ДОСАДА

Как песенка моя понравилась Лилете,
Она ее – ну целовать!
Эх, други! тут бы ей сказать:
"Лилета, поцелуй весь песенник в поэте!"
Между 1814 и 1817

37. К ФАНТАЗИИ

Сопутница моя золотая,
Сестра крылатых снов,
Ты, свежесть в нектар изливая
На пиршестве богов,
С их древних чел свеваешь думы,
Лишаешь радость крыл.
Склонился к чаше Зевс угрюмый
И грома позабыл.
Ты предпочла меня, пиита,
Толпе других детей!
Соломой хижина покрыта,
Приют семьи моей,
Тобой, богиня, претворялась

В очарованный храм,
И у младенца разливалась
Улыбка по устам.
Ты, мотыльковыми крылами
Порхая перед ним -
То меж душистыми цветами,
То над ручьем златым, -
Его манила вверх утеса
С гранита на гранит,
Где в бездну с мрачного навеса
Седой поток шумит.
Мечтами грудь его вздымала,
И, свитые кольцом,
С чела открытого сдувала
Ты кудри ветерком.
Пусть гул катился отдаленный,
Дождь в листья ударял, -
Тобой, богиня, осененный,
Младенец засыпал.
Огни ночные, блеск зарницы,
Падащей льдины гром
Его пушистые ресницы,
Отягощенны сном,
К восторгам новым открывали
И к трепетам святым

И в мраке свода ужасали
Видением ночным.
Заря сидящего пиита
Встречала на скалах,
Цветами вешними увита
И с лирою в руках.
Тобой, богиня, вдохновенный,
С вершин горы седой
Свирели вторил отдаленной
Я песню простой:
"Что ты, пастушка, приуныла?
Не пляшешь, не поешь?
К коленам руки опустила,
Идешь и не идешь?
Во взоре, в поступи томленье,
В ладе пылает кровь,
Ты и в тоске и в восхищенья!
Наверно, то любовь?
Но ты закрылася руками!
Мне отвечаешь: нет!
Не закрывай лица руками,
Не отвечай мне: нет!
Я слышал, Хлоя, от пастушек,
Кто в нас волнует кровь,
Я слышал, Хлоя, от пастушек

Рассказы про любовь!"
Кругом свежее разливался
Цветов пустынный дух,
И проходящий улыбался
Мне весело пастух:
"Не улыбайся, проходящий
Веселый пастушок,
Не вечно скачет говорящий
С цветами ручеек,
Взгляни на бедного Дафниса,
Он смолк и приуныл!
Несчастливого забыла Ниса,
Он Нису не забыл!"
Так ты, Фантазия, учила
Ребенка воспевать,
К свирели пальцы приложила,
Велела засвистать!
Невинный счастлив был тобою,
Когда через цветы
Вела беспечною рукою
Его, играя, ты.
Как сладко спящего покрыла
В последний раз ты сном
И грудь младую освежила
Махающим крылом.

Я вскрикнул, грезой уstraшенный,
Взглянул – уж ты вдали,
Летишь, где неба свод склоненный
Падет за край земли.
С тех пор ты мчишься все быстрее,
А все манишь меня!
С тех пор прелестней ты, живее,
Уныл и томен я.
Жестокая, пустыми ль снами
Ты хочешь заменить
Все, что младенчества я днями
Так мало мог ценить.
Кем ты, волшебница, явилась
Мне с утренней звездой
И, застыдившись, приклонилась,
Обвив меня рукой,
К плечу прелестными грудями?
Скажи, кто окропил
Меня горячими слезами
И, скрывшись, пробудил?
Чей это образ несравненный?
Кто та, кем я дышу?
О ней, грозою окруженный,
На древе я пишу;
Богов усердными мольбами

Ее узреть молю.

Чего не делаешь ты с нами!

Увы, и я люблю.

Между 1814 и 1817

38. БОГИНЯ ТАМ И БОГ ТЕПЕРЬ

(К Савичу)
Прозаик милый,
О Савич мой,
Перед тобой,
Собравшись с силой,
Я нарисую,
Махнув пером,
Всегда младую,
С златым венцом,
С златою лирой
И по плечам
С златой порфирой,
Богиню *Там*.
Она витает
(Поверь ты мне?)
В той стороне,
Отколь блистает,
При тишине
Лесов заглохших
И вод умолкших

В покойном сне
Предтеча Феба,
Камен царя,
В цветах заря,
Аврора неба,
Откинув дверь,
Там выпускает,
Но бог *Теперь_*
Ее встречает
И зло кидает
К благим дарам.
Богиня ж *Там*,
Как ты, незлобна!
И не одной
Она душой
Тебе подобна,
Но тож мила
И весела,
И так прелестно
Как, Савнч, ты
Поет мечты
О неизвестной
Дал_и_, дал_и_?
Внимай пиита:
Он чародей -

Судьбой открыта
Грядущих дней
Ему завеса,
Он от Зевеса
Богиню *Там*
Принял в подругу
Своим мечтам.
Тебе ж, как другу,
Принес от ней
О! сверток дней.
Ты прочитаешь
И в нем узнаешь,
Кто будешь впредь,
Но не краснеть
От слов пророка:
"По воле рока
Ты будешь петь,
Как ночью мая
Поет младая,
В тени деревьев,
Любви певица,
Когда царица
Ночных небес
Из вод катится
И мрачный лес

Не шевелится;
Когда ж в крови
Зажгутся муки
Святой любви,
То смело руки
Ты на клавир,
И слаще лир
Прольются звуки
Твоей души.
Тогда ж в тиши
Ты, одинокой,
В стихах пиши
Письмо к жестокой
И ты поэт.
Прошепчет "нет"
Она сердито.
О, не беда!
Полуоткрытой
Верь, скажет "да!"
И ты, счастливый,
От городов
Уйдешь под кров
Домашней ивы,
Блаженный час!
О днях грядущих

Не суетяся,
В местах цветущих
Ты будешь жить
И воздух пить
С душистой розой.
Ты свежей прозой
Семьи простой
Опишешь радость,
Души покой,
И чувства сладость
Рассыплешь ты
На все листы".
О Савич милый!
То будет – верь,
Когда *Теперь*,
Сей бог унылый,
Богиню *Там*
Не повстречает,
Не примешает
К ее дарам
Полезной муки,
Слезы и скуки.
Между 1814 и 1817

39. ДИФИРАМБ

Други, пусть года несутся,
О годах не нам тужить!
Не всегда и грозди вьются!
Так скорей и пить, и жить!
Громкий смех над докторами!
При плесканьи полных чаш
Верьте мне, Игея с нами,
Сам Лиэй целитель наш!
Светлый мозель восхищенье
Изливает в нашу кровь!
Пейте ж с ним вы мук забвенье
И болтливую любовь.
Выпили? Еще! Веселье
Пышет розой по щекам,
И беспечное похмелье
Уж манит Эрота к нам.
Между 1814 и 1817

40. ЖАВОРОНОК

Люблю я задумываться,

Внимая свирели,
Но слаще мне вслушиваться
В воздушные трели
Весеннего жаворонка!
С какою он сладостию
Зарю величает!
Томлением, радостию
Мне душу стесняет
Больную, измученную!
Всю зиму окованная
Земля оживает,
И, им очарованная,
Сильнее пылает
Любовью живительною.
Как ловит растерзанная
Душа его звуки!
И, сладко утешенная,
На миг забыв муки,
На небо не жалуется!
Между 1814 и 1817

41. ЭЛИЗИУМ ПОЭТОВ

За мрачными Стигийскими берегами,
Где в тишине Элизиум цветет,

Минувшие певцы гремят струнами,
Их шумный глас минувшее поет.
Толпой века в молчании над ними,
Облокотясь друг на друга рукой,
Внимают песнь и челами седыми
Кивают, бег вспоминая свой.
И изредка веками сонм почтенный
На мрачный брег за Эрмием грядет -
И с торжеством в Элизиум священный
Тень Гения отцветшего ведет.
Их песнь гремит: "Проклят, проклят бога-
ми,

Кто посрамил стихами муз собор!"
О, горе! он чугунными цепями,
Как Прометей, прикован к темю гор;
Вран зависти льет хлад в него крылами
И сердце рвет, и фурий грозный взор
Разит его: "Проклят, проклят богами!"
С шипеньем змей их раздаётся хор.
– О юноша с невинною душою,
Палладою и Фебом озарен,
Почто ступил ты дерзкою ногою
За Кипрою, мечтами ослеплен?
Почто, певец, когда к тебе стучалась
Прелестница вечернею порой,

И тихо грудь под дымкой колебалась,
И взор светлел притворною слезой,
Ты позабыл твой жребий возвышенный
И пренебрег душевной чистотой,
И, потушив в груди огонь священный,
Ты Бахуса манил к себе рукой.
И Бассарей с кистями винограда
К тебе пришел, шатаясь на ногах.
С улыбкой рек: "Вот бедствиям отрада,
Люби и пей на дружеских пирах".
Ты в руки ковш – он выжал сок шипящий,
И Грация закрылася рукой,
И от тебя мечтаний рой блестящий
Умчался вслед невинности златой.
И твой удел у Пинда пресмыкаться,
Не будешь к нам ты Фебом приобщен!
Блажен, кто мог с невинностью пробрать-

ся

Чрез этот мир, возвышенным пленен.
Между 1814 и 1817

42. РАЗГОВОР С ГЕНИЕМ

Кто ты, светлый сын небес!
Златокудрый, быстрокрылый?
Кто тебя в сей дикий лес,
Сей скалы в вертеп унылый,
Под обросший мхами свод,
К бездне, где с рожденья мира
С эхом гор поток ревет,
Приманил от стран эфира?
Что твой пламенный погас?
Что твой образ омрачился?
Что жемчуг скорбящих глаз
По щекам засеребрился?
Почему твое чело
Потемнело, развенчалось?
Или быстрое крыло
От паренья отказалось?
Не найдешь и на земли
Ты веселое жилище!
Вот, где розы расцвели -
Там родное пепелище,
Там страна, где я расцвел,

Где, лелеемый мечтою,
Я любовь и радость пел,
Побежим туда со мною.
Смертный я, и в сих местах,
Посвященных запустенью,
Чувствую холодный страх,
Содрогаюсь биенью
Сердца робкого в груди.
Здесь я как-то заблудился.
Добрый бог! со мной поди
К тем садам, где я родился.

Гений

Нет, туда мы не пойдём,
Там прольём мы только слезы,
То не твой уж светит дом,
Не твои блистают розы!
Там тебя отцу не ждать,
Там заботливо к порогу
Не подходит часто мать
И не смотрит на дорогу,
Там младенец имя "брат"
Лепетать не научился,
Чтоб отца внезапно взгляд
Прояснил и ослезился;
Там и резвый хоровод

Возле хижины пустынной
Не сестра твоя ведет
Песней звонкой и невинной, -
Рок привел к чужой стране
Челн с твоей семьей родимой.
Может, горести одне
Примут в пристань их незримо?
Может? Нет, ты обоймешь
(Будет веры исполненье!)
Мать, отца – всех, кем живешь,
С кем и муки – наслажденье!
А меня ужели ты
Не узнаешь? Я твой Гений,
Я учил тебя мечты
Напевать в домашней сени;
Сколько смертных – столько нас;
Мы, посланники Зевеса,
Охраняем, тешим вас
От пелен до врат Айдеса!
Но, любя, – ужель судьбе
Нам покорствовать не больно?
Не привязанный к тебе,
Я бы, неба житель вольный,
Полетел к родной стране,
К ним, к товарищам рожденья,

С кем в священной тишине
Я вздохнул для наслажденья.
Вам страдать ли боле нас?
Вы незнанием блаженны,
Часто бездна видит вас
На краю, а напеченный
С криком радости фиал
Обегает круг веселый,
Часто Гений ваш рыдал,
А коварный сын Семелы,
С Купидоном согласясь,
Вел, наставленный судьбою,
Вас, играя и смеясь,
К мрачной гибели толпою.
Будем тверды, перейдем
Путь тяжелых испытаний.
Там мы счастье обретем,
Там – в жилище воздаяний!
Между 1814 и 1817

43. К К<НЯЖНЕ> Т. В<ОЛКОНСКОЙ>

К чему на памятном листке мне в вас хвалить

Ума и красоты счастливое стеченье?

Твердить, что видеть вас уж значит полюбить

И чувствовать в груди восторги и томление?

Забавно от родни такое восхищенье,

И это все другой вам будет говорить!

Но счастья пожелать и доброго супруга,

А с ним до старости приятных, светлых дней -

Вот все желания родни и друга

Равно и для княжны, и для сестры моей.

Между 1814 и 1817

44. ФАНИ

(Горацианская ода)

Мне ль под оковами Гимена
Все видеть то же и одно?
Мое блаженство – перемена,
Я дев меняю, как вино.
Темира, Дафна и Лилета
Давно, как сон, забыты мной,
И их для памяти поэта
Хранит лишь стих удачный мой.
Чем с девой робкой и стыдливой
Случайно быть наедине,
Дрожать и миг любви счастливой
Ловить в ее притворном сне -
Не слаще ли прелестной Фани
Послушным быть учеником,
Платить любви беспечно дани
И оживлять восторги сном?
Между 1814 и 1817

45. К А. С. ПУШКИНУ

Как? житель гордых Альп, над бурями па-
рящий,

Кто кроет солнца лик развернутым кры-
лом,

Услыша под скалой ехидны свист шипя-
щий,

Раздвинул когти врозь и оставляет гром?

Тебе ль, молодой вещун, любимец Аполло-
на,

На лиру звучную потоком слезы лить,
Дрожать пред завистью и, под косою Кро-
на

Склоняся, дар небес в безвестности
укрыть?

Нет, Пушкин, рок певцов – бессмертье, не
забвенье,

Пускай Армениус, ученьем напыщен,

В архивах роется и пишет рассужденье,

Пусть в академиях почетный будет член,

Но он глупец – и с ним умрут его творенья!

Ему ли быть твоих гонителем даров?

Брось на него ты взор, взор грозного пре-
зрения,

И в малый сонм вступи божественных пев-
цов.

И радостно тебе за Стиксом грянут лиры,
Когда отяготишь собою ты молву!
И я, простой певец Либеры и Темиры,
Пред Фебом преклоня молящую главу,
С благоговением ему возжгу куренье
И воспою: "Хвала, кто с нежною душой,
Тобою посвящен, о Феб, на песнопенье,
За гением своим прямой идет стезей!"
Что зависть перед ним, ползущая змеею,
Когда с богами он пирует в небесах?
С гремящей лирою, с любовью молодою
Он Крона быстрого и не узрит в мечтах.
Но невзначай к нему в обитель постучится
Затейливый Эрот младенческой рукой,
Хор смехов и харит в приют певца слетит-

ся

И слава с громкою трубой.

1816 или 1817

46. ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСНЬ ВОСПИТАННИКОВ ЦАРСКОСЕЛЬСКОГО ЛИЦЕЯ

Х^{ор} Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отчества призыванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

1-й голос

О мать! вняли мы призыванью,
Кипит в груди младая кровь!
Длань крепко соединилась с дланью,
Связала их к тебе любовь.

Мы дали клятву: все родимой,
Все без раздела – кровь и труд.
Готовы в бой непоколебимо,
Непоколебимо – правды в суд.

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отчества призыванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

2-й голос

Тебе, наш царь, благодаренье!
Ты сам нас юных съединил
И в сем святом уединенье
На службу музам посвятил!
Прими ж теперь не тех веселых
Беспечной радости друзей,
Но в сердце чистых, в правде смелых,
Достойных благодати твоей.

Хор

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!

3-й голос

Благословите положивших
В любви отечеству обет!
И с детской нежностью любивших
Вас, други наших резвых лет!
Мы не забудем наставлений,
Плод ваших опытов и дум,
И мысль об них, как некий гений,
Неопытный поддержит ум.

Хор

Простимся, братья! Руку в руку!

Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!

4-й голос

Друг на друге остановите
Вы взор с прощальнойю слезой!
Храните, о друзья, храните
Ту ж дружбу с тою же душой,
То ж к славе сильное стремленье,
То ж правде – да, неправде – нет.
В несчастье – гордое терпенье,
И в счастье – всем равно привет!

Финал

Шесть лет промчалось, как мечтанье,
В объятьях сладкой тишины,
И уж отечества призыванье
Гремит нам: шествуйте, сыны!
Прощайтесь, братья, руку в руку!
Обнимемся в последний раз!
Судьба на вечную разлуку,
Быть может, здесь сроднила нас!
Апрель или май 1817

47. К ПУЩИНУ

(В альбом)

Прочтя сии разбросанные строки
С небрежностью на памятном листке,
Как не узнать поэта по руке,
Как первые не вспомнят уроки,
Как не сказать на дружеском столе:
"Друзья, у нас есть друг и в Хороле!"
Май 1817

48. К А. Д. ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(В альбом)

Пока поэт еще с тобой,
Он может просто, не стихами,
С твоей беседовать судьбой,
Открытой пред его глазами.
Но уж пророчесственный глас
Мне предсказал друзей разлуку,
И рок в таинственную руку
Уж забрал жребии для нас.
Готовься ж слышать предвещанья,

Страшись сей груди трепетанья
И беспорядка сих власов!
Все, все грядущее открою!
Читай, – написаны судьбою
Вот строки невидимых слов.

....

....

Май 1817

49. К ШУЛЬГИНУ

Прощай, приятель! От поэта
Возьми на память пук стихов.
Бог весть, враждебная планета
В какой закинет угол света
Его, с младых еще годов
Привыкшего из кабинета
Не выставлять своих очков?
Бог весть, увидим ли разлуку,
Перекрестясь, мы за собой?
Как обнимусь тогда с тобой!
Рука сама отыщет руку,
Чтоб с той же чистою душой -
Но, может быть, испившей муку, -
Схватить ее и крепко сжать!

Как дружных слов простому звуку
Мне будет весело внимать!
Ты, может быть!.. но что мечтами,
Что неизвестным мучить нас?
Мне ль спорить дерзко со слезами,
Потечь готовыми из глаз?
Что будет – будет! с небесами
Нельзя нам спорить, милый друг!
Останься ж с этими стихами
До первого пожатья рук.
Май 1817

50. К КЮХЕЛЬБЕКЕРУ

И будет жизнь не в жизнь и радость мне не
в радость,
Когда я дни свои безвестно перечту
И столь веселым мне блистающую мла-
дость,
С надеждами, с тоской оставлю, как мечту.
Когда, как низкий лжец, но сединой по-
чтенный,
Я устыжусь седин, я устыжусь тебя,
Мой друг, вожатый мой в страну, где
ослепленный,
Могу, как Фаэтон, я посрамить себя;
Когда о будущем мечтаний прежних сла-
дость
Не усладит меня, а будет мне в укор
И светлый, гаснущим и робким взглянет
взор, -
Тогда и жизнь не в жизнь и младость мне
не в младость!
И будет жизнь не в жизнь и младость мне
не в младость,

Когда души моей любовь не озарит
И сотворенная мне в счастье и радость,
Не принесет мне их, а сердце отравит.
Когда молодой груди я видел трепетанье,
Уст слышал поцелуй, ловил желанья глаз,
И не завидуя, счастливый в ожиданье,
Когда, измученный, не буду знать я вас, -
Тогда к чему мне жизнь, к чему мне в жизни
ни младость,

И в младости зачем восторги и мечты?
Я для того ль срывал их вешние цветы,
Чтоб жизнь была не в жизнь и радость
мне не в радость?

Май 1817

51. К ДРУЗЬЯМ

Я редко пел, но весело, друзья!
Моя душа свободно разливалась.
О Царский сад, тебя ль забуду я?
Твоей красой волшебной забавлялась
Проказница фантазия моя,
И со струной струна перекликалась,
В согласный звон сливаясь под рукой, -
И вы, друзья, талант любили мой.
Все ж песни вам от сельского поэта!
Любите их за то хоть, что мои.
Бог весть куда умчитесь в шуме света
Все вы, друзья, все радости мои!
И может быть, мечты моей Лилета
Там будет мне мучением любви;
А дар певца, лишь вам в пустыне милый,
Как василек, не доцветет унылый.
Май 1817

52. В АЛЬБАУМ

Не мило мне на новоселье,

Здесь все увяло, там цвело,
Одно и есть мое веселье -
Увидеть Царское Село!
– Что ты, цветочек, увядаешь,
Мной сорванный с родных полей?
Иль, гость весенний, ты не знаешь
Завидной участи своей?
Гордись, гордись! – благоухаешь
Ты в злате Лилиных кудрей!
– "О, кудри мягки, их дыханье
Благоуханней пышных роз;
Но в злате их мне жизнь – страданье,
А счастье там, где я возрос!"
– Цветок мой, тише! Сколько Лилой
Потратится жемчужных слез,
Когда сей жалобе унылой
Пришлось и ей со мной внимать!
Ты жалок мне, цветочек милый!
– "Что сожалеть! Зачем срывать!"
Июнь (?) 1817

53. К И. И. ПУЩИНУ

(4-Г^о мая)
О друг! в сей незабвенный час
Пади перед пенатом
И, съедия с друзьями глас,
Фалернским непочатым
Фиал наполнивши вином,
Излей перед богами,
Да благо на пути твоём
Прольют они реками.
Держа могущею рукой,
Твой пестун и хранитель
Еще от младости златой
Твой был путеводитель.
И ты без трепета протек
Цветущею стезею,
И в юность он тебя вовлек
Могущею рукою.
И вся природа пред тобой
Свой вид переменяла!
Бывало, к розе полевой
Тебя игра манила.

И с лепетаньем ветерок
Меж розами скрывался,
Срывая с рук твоих цветов,
Тобою забавлялся.

А ныне грудь твоя полна
Неизъяснимой силой,
Везде душа твоя одна,
Везде с мечтой унылой.
И позабыл ты звук мечей
И копий ряд летящий,
И уж не льстит душе твоей
Фортуны шар парящий.
И гений днесь тебя влечет
Волшебною долиной,
Где купол к небесам несет
Над страшною пучиной.
В сени дубрав Киприды храм
С паросскими столпами,
И пред богиней фимиам
Возносится с мольбами.
Амура загремит стрела!
И нимф младых подруга
Тебе с улыбкой уж дала
Название супруга.

Друзья придут в твой светлый дом,

И, младость вспоминая,
Наполнит чаши нам вином
Твоя жена молодая!

1817?

54. А. С. ПУШКИНУ

(Из Малороссии)

А я ужель забыт тобою,
Мой брат по музе, мой Орест?
Или нельзя снестись мечтою
До тех обетованных мест,
Где я зовуся *чернобривым*,
Где девы, климатом счастливым
Воспитанные в простоте
(Посмейся мне!), не уступают
Столичным дамам в красоте,
Где взоры их мне обещают
Одну веселую любовь,
Где для того лишь изменяют,
Чтобы пленить собою вновь? -
Как их винить? – Сама природа
Их баловница на лугах;
Беспечных мотыльков свобода,
Разнообразие в цветах
И прелесть голубого свода,

В спокойных влитого водах,
Лежащих в шумных камышах,
И яблонь тихая прохлада,
И лунных таинство ночей,
Когда любовник в мраке сада
Ждет умирание огней,
Когда душа его томится
И ожиданьем и тоской,
И даже ветерка страшится
И свиста иволги лесной -
Все манит здесь к изменам, к неге,
Все здесь твердит: "Чета любви!
Любовь летит – лови, лови!"
Но в тряской, скачущей телеге,
Мой друг, приятно ли мечтать?
И только мысль: тебя обнять,
С тобой делить вино, мечтанья
И о былом воспоминанья -
Меня в ней может утешать.

55. ПРИЗВАНИЕ

Дева, дева! в сень дубровы,
К речке, спящей в камышах,
Приходи: Эрот суровый
Мне уж в трех являлся снах!
Две стрелы спустил он с лука
К двум противным сторонам -
Знаю, нам грозит разлука,
Сердце верит вещим снам.
Скоро ль тяжкие мученья
Усладишь лобзаньем ты
И мгновеньем наслажденья
Утолишь мои мечты?
Друг, поверь, что я открою:
Время с крыльями! – лови!
Иль оно умчит с собою
Много тайного в любви!..
Бойся строгого Гимена!
За решеткой и замком
Знает разницу Климена

БЫТЬ в венке и под венцом.

56. МОЯ ХИЖИНА

Когда я в хижине моей
Согрет под стеганым халатом,
Не только графов и князей -
Султана не признаю братом!
Гляжу с улыбкою в окно:
Вот мой ручей, мои посевы,
Из гроздий брызжет тут вино,
Там птиц домашних полны хлевы,
В воде глядится тучный вол,
Подруг протяжно призывая, -
Все это в праздничный мой стол
Жена украсит молодая.
А вы, моих беспечных лет
Товарищи в веселье, в горе,
Когда я просто был поэт
И света не пускался в море -
Хоть на груди теперь иной
Считает ордена от скуки,
Усядьтесь без чинов со мной,

К бокалам, протяните руки,
Старинны песни запоем,
Украдем крылья у веселья,
Поговорим о том о сем,
Красноречивые с похмелья!
Признайтесь, что блажен поэт
В своем родительском владенье!
Хоть на ландкарте не найдет
Под градусами в протяженье
Там свой овин, здесь огород,
В ряду с Афинами иль Спартой;
Зато никто их не возьмет
Счастливо выдернутой картой.

57. ОСЕННЯЯ КАРТИНА

Когда земля отдаст плоды
Трудов зимы, весны и лета
И, желтой мантией одета,
Везде печальные следы
Являет роскоши минувшей,
Подобно радости, мелькнувшей
Быстрее молнии небес;
Когда вершиной черный лес,
Шумя, качает над туманом
И, запоздалый, с океаном
Усталый борется пловец,
Тебе, Нептун, дает обеты,
Чтоб не испить с струею Леты
Отрады горестных сердец, -
Я на коне скачу ретивом
И по горам, и по полям,
И вихрем веселюсь игривым,
Который мчится по степям
Из-под копыт с листом и прахом;

И селянин его, со страхом
Под вечер торопясь домой,
Бродящей тенью почитает,
Которую Харон седой
В Аидов дом не пропускает;
Ее протяжный слышен вой,
Он погребенья умоляет.

58. К ИЛЛИЧЕВСКОМУ

(В Сибирь)
Я благотворности труда
Еще, мой друг, не постигаю!
Лениться, говорят, беда -
А я в беде сей утопаю
И, пробудившись, забываю,
О чем заботился вчера.
Мне иногда твердят: "Пора
Сдавить стихи твои станками,
Они раскупятся друзьями,
Друзья им прокричат "ура!"
Веселые за полной чашей.
Тогда, сударь, от славы вашей
Или от вашего вина
Заговорит вся сторона
От Бельта до Сибири скучной,
Куда с запиской своеручной
Пошлете другу толстый том".
Все хорошо, но я не в том

Свое блаженство полагаю:
За стих не ссорюся с умом
И рифму к рифме приплетаю,
Лениво глядя за пером.
Напишет мне – я прочитаю.
Я прочитаю их друзьям:
Люблю внимать я похвалам,
Когда их похвалы достоин.
И я слышал, худой тот воин,
Кто быть не думает вождем!
Так мыслю я, меж тем пером
Мешая истину с мечтами,
Почти забыл, что мы с тобой
Привыкли говорить сердцами, -
Забыл, что друг далекий мой,
Прочтя мою систему лени,
Но неизвестный о друзьях,
По почте мне отправит пени
Наместо нежных уверений,
Что он и в дальних тех странах
Своих друзей не забывает,
Где мир, дряхлеющий во льдах,
Красою дикой поражает;
Что, как мелькнувшая весна
Там оживляет все творенье,

Так о друзьях мечта одна
Его приводит в восхищенье,
Его уносит в светлый край
Златых надежд, воспоминаний,
Где нет забот, где нет страданий
И слова грозного "прощай!"
Будь счастлив, друг! не забывай
Веселых дней очарованья
И резвых спутников твоих!
Вот непритворные желанья
Далекому от круга их,
От круга радости веселой,
Где дружба нас и сын Семелы
Привыкли часто собирать,
Где можно все заботы света
С мундиром, с фракком скидавать,
Без лести похвалить поэта
И обо всем потолковать.

59. К Е. А. КИЛЬШТЕТОВОЙ

Я виноват, Елена! перед вами,
Так виноват, что с вашими глазами
Не знаю как и встретиться моим!
А знаете ль, как это больно им?
Ах, для меня на свете все постыло,
Коль не глядеть на то, что сердцу мило,
Коль свежих уст улыбку не поймать,
Мелькнувшую по вспыхнувшим ланитам,
И грудь под дымкою не наблюдать,
Какую бы, скажу назло пиитам,
Дай бог иметь и греческим харитам.
Подумайте ж, как трудно мне лишать
Свои глаза тех сладостных мгновений,
Когда б они _на вас могли_ взирать
И ваших ждать, как божьих, повелений.
А как велеть медлительной руке
Все уписать на памятном листке,
О чем всегда я мыслю и мечтаю,
Что сам себе за тайну поверяю!

Нет, не могу, Елена! Пусть иной
Вас назовет богинею весной,
Иль Душенькой, или самой Венерой;
Пускай он, слух обворожая наш,
Опишет вас прекрасной, страстной мерой!
И сей портрет не будет, верно, ваш!
Вы на богинь не схожи, не жалейте!
Тщеславия пустого не имейте
Похожей быть на мрамор! Фидий сам
Признался бы, что он подобной вам
Обязан был прелестным идеалом
Своих богинь. Их вера покрывалом
Задернула, и освятил обман,
И окружен был чернью истукан.
И может быть, виновница их славы
Ходила тож просить богинь забавы,
Чтобы всегда был Фидий верен ей.
Тебя ль забыть! Ты красоте своей,
А не мольбе обязана, гречанка.
И милая, младая россиянка
Захочет ли, чтоб кто ее сравнил,
И в похвалу, с ее ж изображеньем?
Куда бы я попал с таким сравненьем?
Нет, хорошо, что вас я не хвалил!

В сей книге, в кипе сей стихов
Найдут следы моих мечтаний,
Которые, как жизнь блестящих мотыль-
ков,
Как сны волшебные младенческих годов,
Исчезли – а меня с толпой забот, страда-
ний
Оставили бороться одного.
Я благодарен вам, о боги! ничего
Не нужно для моих умеренных желаний.
Я много получил, чтобы в родной стране,
Трудясь, счастливой предаться тишине:
Спокойствие души, запас воспоминаний
И бедный к песням дар, но вами ж данный
мне.

13 ноября 1818

61. УТЕШЕНИЕ БЕДНОГО ПОЭТА

Славы громкой в ожиданьи
Много я терплю,
Но стихов моих собранье
Все хранить люблю.
Мне шепнули сновиденья:
"Закажи ларец,
Спрячь туда свои творенья
И залей в свинец!
Пусть лежат! чрез многи лета,
Знай, придет пора,
И четыре факультета
Им вскричат "ура!".
Жду и верю в исполненье!
Пролетят века,
И падет на их творенье
Времени рука.
Пышный город опустеет,
Где я был забвен,
И река позеленеет
Меж упавших стен.
Суеверие дух_а_ми
Башни населит,
И с упавшими дворцами
Ветр заговорит.
Но напрасно сожаленье!

Здесь всему черед!
И лапландцам просвещенье
Весело блеснет.
К нам ученые толпою
С полюса придут
И счастливою судьбою
Мой ларец найдут.
В Афинее, осторожно
Свиток разверня,
Весь прочтут и, сколь возможно,
Вознесут меня:
"Вот Дион, о, сам Гораций
Подражал ему!
А Лилета – дело граций,
Образец уму!"
Сколько прений появится:
Где, когда я жил,
Был ли слеп, иль мне родиться
Зрячим бог судил?
Кто был Лидий, где Темира
С Дафною цвела,
Из чего моя и лира
Сделана была?
Други, други, обнимите
С радости меня,

Вы ж, зоилы, трепещите -
Помните, кто я.
〈1819〉

62. ЭПИТАФИЯ

(Экспромт)
Прохожий! здесь лежит философ-человек,
век,

Он проспал целый век,
Чтоб доказать, как прав был Соломон,
Сказав: "Все суета! все сон!"
〈1819〉

63. ПЕСНЯ

Как ни больно сердца муки
Схоронить в груди своей,
Но больнее в час разлуки
Не прижать родную к ней,
Не услышать слово "милый",
Не понять понятный взгляд
И мучений ждать уныло
Вместо всех себе наград.
Все ж не больно, есть больнее,
Чем страдаю, что терплю!
Я б хотел любить нежнее,

Некому ж сказать "люблю".
Сердце ищет разделиться,
Но кого и где найти?
Как слезам из глаз не литься,
Как цветку не отцвести.
〈1819〉

64. К ЕВГЕНИЮ

За то ль, Евгений, я Гораций,
Что пьяный, в миртовом венке,
Пою вино, любовь и граций,
Как он, от шума вдалеке,
И что друзей люблю – старинных,
А жриц Венеры – молодых.
Нет, лиру высоко настроя,
Не в силах с музою моей
Я славить бранный лавр героя
Иль мирные дела судей -
Мне крыльев не дано орлиных
С отверстым поприщем для них.
К тому ж напрасно муза ищет
Теперь героев и судей!
Дамон бичом отважно хлыщет
По стройному хребту коней,

А Клиит в объятиях Цирцеи
Завялою душою спит.
Кого ж мне до вершин Парнаса,
Возвыся громкий глас, вознесть?
Иль за ухо втащить Мидаса
И смех в бессмертных произвесть?
Вернее в храме Цитереи,
Где сын ее нам всем грозит,
Благоуханной головою
Поникнув, Лидии младой
Приятно нежить слух игрою,
Воспеть беспечность и покой,
И сладострастия томленье,
И пламенный восторг любви,
Покинуть гордые желанья,
В венок свой лавров не вплетать
И в час веселого мечтанья
Тихонько Флакку подражать
В науке дивной, в наслажденьи,
И с ним забавы петъ свои.

65. Е. А. Б-ВОЙ

(ОТСЫЛАЯ ЕЙ ЗА ГОД ПРЕД ТЕМ ДЛЯ НЕЕ
ОЖЕ НАПИСАННЫЕ СТИХИ)

Когда Амур еще был вашим богом
И грации вас кликали сестрой,
Когда самой Психее красотой
Вы уступить могли, ей-ей! не в многом -
Я как поэт, как важной музы жрец,
Лишь истине и красоте служащий,
Дерзал вас петь и свежестью блестящий
Вам из цветов парнасских плел венец,
И, признаюсь, я часто в восхищеньи
Вас представлял читающих тайком
Мои стихи в безмолвном умиленьи
И жадно ждал, когда своим певцом,
Счастливого, меня вы назовете
И уголок мне в сердце отведете!
Я так мечтал! Вдруг добрый Гименей
Сменил у вас повесу Купидона,
И от харит вас приняла Юнона -

Я в радости возжег мастики ей
(Хотя не так люблю я эту даму:
Не стыдно ли ей к мужу ревновать?)
И написал притом эпиталаму.
Но вот беда! мне страшно показать
Вам прежние стихи мои, Елена!
Что, если ваш супруг, хоть он поэт
(Но у меня к женатым веры нет),
Вообразит, что я согнул колена,
Как влюбчивый пред вами Селадон!
Нет, можно ли, чтоб так ошибся он?
Мне нечего поэта опасаться!
Я вас предаю потомству, хоть в мечте:
Он знает, мы привыкли поклоняться,
Как божествам, уму и красоте.

Друзья, поверьте, не грешно
Любить с вином бокал:
Вино на радость нам дано,
Царь Соломон сказал.
Будь свят его закон!
Солгать не смел ты так в Библии дерзко,
Мудрец и певец Соломон!
Что ж Соломону вопреки
Глупцы вино бранят?
Простить им можно: дураки
Не знают, что творят.
Таков второй закон!
Хмельной, забыл о нем в Библии, верно,
Мудрец и певец Соломон.
Любил плясать король Давид,
А что же Соломон?
Он о прыжках не говорит;
Вино все хвалит он!
Великий Соломон!

Друзья! признайтесь, в Библии точно
Мудрец и певец первый он.

67. В ДЕНЬ МОЕГО РОЖДЕНИЯ

С годом двадцать мне прошло!
 Я пирую, други, с вами,
 И шампанское в стекло
 Льется пенными струями.
 Дай нам, благостный Зевес,
 Встретить новый век с бокалом!
 О, тогда с земли без слез,
 Смерти мирным покрывалом
 Завернувшись, мы уйдем
 И, за мрачными берегами
 Встретясь с милыми тенями,
 Тень *аи* себе нальем.
 6 августа 1819

68. ВИДЕНИЕ

(Кюхельбекеру)

В священной роце я видел прелестную
 В одежде белой и с белою розою

На нежных персях, дыханьем легким
Колеблемых;
Венок увядший, свирель семиствольная
И посох деву казали пастушкою;
Она сидела пред урною, из ливающей
Источник светлый, дриада омовение, -
По плечам кудри, свиваяся, падали.
"Кто ты? – я думал, – откуда, гостья
Небесная?"

Не ты ли радость, любимица Зевсова?
Но ты уныла! Не ты ли Фантазия,
Подруга граций и муз, о небе
Поющая?

Иль, может, призрак, душа отлученная
От нашей жизни, впоследствии слушаешь
И шепот листьев, и плеск и лепет
Источника?"

Но взор желанья, на волны потупленный,
Но вера в счастье, беспечность невинности
В простых движеньях, в лице являясь,
Прелестную
Моею звали сестрой по созданию.
Вдали за рощей и девы и юноши
Хвалили Вакха и в хороводах
Кружились;

Сатиры, фавны, в порывах неистовых,
Делили с ними земные веселия
И часто, в рощу вбежав, над девой
Смеялися.

Она в молчаньи фиалки и лилии
В венок вплетала. О други, поверите ль,
Какое чудо в очах поэта
Свершилося!

Еще восторги во мне не потухнули,
Священный ужас томит меня, волосы
Дрожат, я слышу, глаза не видят,
Не движутся.

Вотще манила толпа, упоенная
И негой страсти и жизньию младости,
Во храм роскошный златой Киприды
Невинную!

Она молчала, не зрела, не слушала!
Вдруг ужас, смертным доселе неведомый,
Погнал от рощи непосвященных,
И амброю

Древа дохнули, запели пернатые,
Источник стихнул, и все обновилось,
Все отозвалось мне первым утром
Создания,

Прекрасным мигом рожденья Кипридина

Из недр Фетиды, Олимпом ликующим,
Когда с улыбкой Зевес внимает
Гармонии.

И ждал я чуда в священном безмолвии!
Вдруг дева с криком веселья воспрянула,
Лазурный облак под ней, расстлавшись,
Заискрился,
Одежда ярким сияньем осыпалась,
К плечам прильнули крыле мотыльковые,
И Эрос {*} принял ее в объятья
Бессмертные!
Все небо плескам создання откликнулось,
Миры и солнца в гармонии поплыли,
И все познали Хаос улыбкой
Разгнавшего,
Любовь, связь мира, дыханье бессмертия,
Тебя познали, начала не знающий,
О Эрос! счастье, воздатель чистой
Невинности.

Ты видел в юной любовь непорочную,
Желанье неба, восторгов безоблачных,
Души, достойной делиться с нею
Веселием;
И тщетно взором искал между смертными
Ты ей по сердцу и брата, и равного!

Вотще! Для неба цветет в сей жизни
Небесное!

Метатель грома здесь сеет высокое,
Святое – музы, ты ж, дивной улыбкою
Миры создавший, – красу, невинность
И радости!

Лишь ты небесный супруг непорочности!
С тобой слившись, она, упоенная,
В эфире скрылась! Тебя я славлю,
Божественный.

1819 или 1820

{* Эрос – любовь, первый и древнейший бог греческой мифологии, создатель вселенной, не имеющий начала, и отец всех богов. Мы встречаем в стихотворцах, и особенно в философах Александрийской школы, другого еще Эроса, сына, а иногда брата Венеры Урании, бога чистой любви, которого не должно смешивать с Купидоном, греческим Приапом, известным из творений новейших поэтов под названиями Амура, Эрота и Цихрепора. Здесь оба божества слиты в одно, как то часто случается у поэтов греческих, например Гелиос и Аполлон, Немезида и Венера, Немезида и Диана нередко означают разных, нередко одних

и тех же богов и богинь. (Примеч. первой публикации. – Сост.)}

69. КУПИДОНУ

Сидя на льве, Купидон будил радость могущей лирой,

И африканский лев тихо под ним выступал.

Их ваятель узрел, ударил о камень – и камень

Гения сильной рукой в образе их задышал.

1819 или 1820

70. ПОЭТ

Что до богов? Пускай они
Судьбами управляют мира!
Но я, когда со мною лира,
За светлы области эфира
Я не отдам златые дни
И с сладострастными ночами.
Пред небом тщетными мольбами
Я не унижуся, нет, нет!
В самом себе блажен поэт.
Всегда, везде его душа
Найдет прямое сладострастье!
Ему ль расслабнуть в неге, в счастье?
Нет! взгляните: в бурное ненастье,
Стихий свободою дыша,
Сквозь дождь он город пробегает,
И сельский Аквилон играет
На древних дикостью скалах
В его измокших волосах!
Познайте! Хоть под звук цепей
Он усыплялся б в колыбели,
А вокруг преступники гремели

Развратной радостью в хмели -
И тут бы он мечте своей
Дал возвышенное стремленье,
И тут бы грозное презренье
Пороку грянуло в ответ,
И выше б Рока был Поэт.
〈1820〉

71. УСПОКОЕНИЕ

В моей крови
Огонь любви!
Вотще усилья,
Мой Гиппократ!
Уж слышу – крылья
Теней шумят!
Их зрю в полете!
Зовут, манят -
К подземной Лете,
В безмолвный ад.
〈1820〉

72. ПЕРЕВОДЧИКУ ВИРГИЛИЯ

Ты переводчик, я читатель,
Ты усыпитель – я зеватель.
〈1820〉

73. Ф. Н. ГЛИНКЕ

(ПРИСЫЛАЯ ЕМУ ГРЕЧЕСКУЮ АНТОЛО-
ГИЮ)

Вот певцу Антология, легких харит укра-
шенье,

Греческих свежих цветов вечно пленяю-
щий пух!

Рви их, любимец богов, и сплетай из них
русским каменам

Неувядаемые, в Хроновом царстве, венки.

〈1820〉

74. ЕВГЕНИЮ

Помнишь, Евгений, ту шумную ночь (и

она улетела),

Когда мы с Амуром и Вакхом

Тихо, но смело прокралися в терем Лиле-
ты? И что же!

Бессмертные нам изменили!

К чаше! герои Киприды вином запивают
победы!

Мы молоды – юность, как роза,

Мигом пленит и увянет! А радость? Она –
Филомела

Прелестная! Только в дни розы,

Только в дни юности нам попоет сладко-
звучные песни

И вспорхнет! За крылья златую!

Ты опутай летунью цветочною цепью, ты
амброй

Окуривай перья и кудри,

Нежно рукою ласкай ее легко-упругие гру-
ди

И с резвою пой и резвися!.

Будем стары и мы! Тогда, браня ветренность
внука

Украдкой вздохнем и друг другу

Сладко напомним, седые! о наших любов-
ных проказах

Измену Лилеты, в досаде
Нами разбитые вазы и.Аргусов дикую
стаю!

Но кто на героев Киприды?
Дерзкие пали, дверь отскочила, и мы от-
ступили,

Хвляясь и победой, и мщеньем.

"Друг, все прошло, – ты шепнешь, – но при
нас еще дружба и Бахус

Дай руку и вспеним фиалы!"

〈1820〉

75. ЛЕКАРСТВА ОТ НЕСЧАСТИЙ

Если мне объявят боги:
"Здесь ты горе будешь пить!" -
Я скажу: "Вы очень строги!
Но я все ж останусь жить".
Горько ль мне – я разделяю
С милой слезы в тишине!
Что ж на небе, я не знаю,
Да и знать не нужно мне!
Мне великую науку
Дед мой доктор завещал:
"Дружбою, – он пишет, – скуку
И печаль я исцелял;
От любви лечил несчастной
Состаревшимся вином;
Вообще же безопасно
Все лечить несчастья – сном".
〈1820〉

76. РОМАНС

"Просимся, рыцарь, путь далек
До царского турнира,
Луч солнца жарок, взнуздан конь,
Нас ждет владыка мира!"
– "Оставь меня! Пусть долог путь
До царского турнира,
Пусть солнце жжет, пусть ждет иных
К себе владыка мира!"
– "Просимся, рыцарь, пробудись!
Сон по трудам – услада;
Спеши к столице! Царска дочь
Храбрейшему награда!"
– "Что мне до дочери царя?
Мне почестей не надо!
Пусть их лишусь, оставь мне сон,
Мне только в нем отрада!
Имел я друга – друга нет,
Имел супругу – тоже!
Их взял создатель! Я ж молюсь:
К ним и меня, мой боже!
Ложусь в молитве, сон едва
Глаза покроет – что же?
Они со мной, всю ночь мое
Не покидают ложе.
Меня ласкают, говорят

О царстве божьем, нежно
Мне улыбаются, манят
Меня рукою снежной!
Куда? За ними! Но привстать
Нет сил! Что сплю я, знаю!
Но с ними жить и в сне я рад
И в сне их зреть желаю!"
〈1820〉

77. Г. КРИТИКУ ПОЭМЫ "РУСЛАН И ЛЮДМИЛЫ"

Хоть над поэмою и долго ты корпишь,
Красот ей не придашь и не умалишь! -
Браня – всем кажется, ее ты хвалишь;
Хваля – ее бранишь.

78. К ЛАСТОЧКЕ

Что мне делать с тобой, докучная ласточка!
 Каждым утром меня – едва зарумянит-
 ся

Небо алой зарей и бледная Цинтия
 Там в туманы покатится, -
 Каждым утром меня ты криком безумолк-
 ным

Будишь, будто назло! А это любимое
 Время резвых детей Морфея, целительный
 Сон на смертных лиющего.
 Их крылатой толпе Зефиры предшествуют,
 С ними сам Купидон летает к любовникам
 Образ милых казль и счастьем мечта-
 тельным

Тешить жертвы Кипридины.
 Вот уж третью зарю, болтливая ласточка,
 Я с Филидой моей тобой разлучаюсь!
 Только в блеске красы пастушка появится
 Иль Психеей иль Гебою,

Только склонит ко мне уста пурпуровые,
И уж мой поцелуй, кипя нетерпением,
К ним навстречу летит, ты вскрикнешь – и
милая

С грезой милой скрывается!
Ныне был я во сне бессмертных счастли-
вее!

Вижу, будто бы я на берегу Пафоса,
Сзади храм, вокруг меня мирты и лилии,
Я дышу ароматами.
Взор не может снести сиянья небесного,
Волны моря горят, как розы весенние,
Светлый мир в торжестве – и в дивном
молчании

Боги к морю склонились. -
Вдруг вскипели валы и пеной жемчужною
С блеском вьются к брегам, и звуки чудес-
ные

Слух мой нежат, томят, как арфа Еолова;
Я гляжу – вдруг является...
Ты ль рождаешься вновь из волн, Амату-
зия?

Боги! пусть это сон! Филида явилася
С той же лаской в очах и с тою ж улыбкою.
Я упал и, отчаянный,

"Ах, богиня! – вскричал, – зачем обольстить меня?"

Ты неверна, а я думал Филидою
Век мой жить и дышать!" – "Утешься, обманутый,

Милый друг мой! (воскликнула
Снова в наших лугах Филида, по-прежнему
В свежих кудрях с венцом, в наряде пастушеском) -

Друг, утешься, я всё..." Болтливая ласточка,
Ты крикунья докучная,
Что мне делать с тобой – опять раскличалась!

Я проснулся – вдали едва зарумянилось
Небо алой зарей, и бледная Цинтия
Там в туманы скатилась.

79. ЭПИТАФИЯ

Завидуйте моей судьбе!
Меня счастливы не искали,
Я век не думал о себе,
А не видал в глаза печали.

80. КРЫЛОВУ

Уж я не тот поэт беспечный,
Товарищ резвый светлых дней,
Когда Эрот и Бассарей {*}
{* Бахус.}
Мне говорили: друг, мы вечны!
Пусть дни и годы скоротечны,
Но мы с тобой – люби и пей!
Ушли, ушли лета златые,
Когда от чаши круговой
Эрот, хариты молодые
И смехи шумною толпой
Меня влекли к ногам Эльвиры.
Крылов, в то время голос мой,
Под звуки вдохновенной лиры,
Непринужденно веселил
Веселостью непринужденной.
А ныне твой поэт, лишенный
Неопытных, но смелых крил,
Венком поблекшим украшенный,

На землю бедную ступил,
И опыт хладный заключил
Его в жестокие объятья.
В боязни Фебова проклятья
Ленюся я стихи писать,
Лишь иногда во дни ненастья
Люблю о вёдре вспоминать
И мной неведомого счастья
Поэтам-юношам желать.
1820 или 1821

81. В АЛЬБОМ П. А. СПА-КОЙ

Я не привык альбомы наполнять
Надеждами, желаньями и лестью.
А к вам еще (позвольте мне сказать)
Ужасною я пламенею мезтью.
Недели три и, помнится, с тех пор,
Когда альбом вы этот мне отдали,
Чтоб я, с пелен парнасских крохобор,
Вписал в его воздушные скрижали
Для памяти вам с рифмами кой-что.
Для памяти? Признаться, вряд ли кто
Похвалится такой судьбой завидной!
Итак, альбом вы помните, как видно,

Поболее знакомых ваших! Что ж?
Вам бог простит. Я ж на последний грош
Готов свечу пред образом поставить
И перед ним день целый пролежать,
Лишь только б мог вас хоть альбом заста-
вить

Меня в часы безделья вспоминать.
1820 или 1821

82. К Е«ВГЕНИЮ»

Ты в Петербурге, ты со мной,
В объятьях друга и поэта!
Опять прошедшего мы лета,
О трубадур веселый мой,
Забавы, игры воскресили;
Опять нас ветвями покрыли
Густые рощи островов
И приняла на шумны волны
Нева и братьев, и певцов.
Опять веселья, жизни полный,
Я счастлив радостью друзей;
Земли и неба житель вольный
И тихой жизнию довольный,
С беспечной музою моей
Друзьям пою любовь, похмелье
И хлопотливое безделье
Удалых рыцарей стола,
За коим шалость и веселье,
Под звон блестящего стекла,
Поют, бокалы осушают
И громким смехом заглушают

Часов однообразный бой.
Часы бегут своей чредой!
Удел глупца иль Гераклита,
Безумно воя, их считать.
Смешно бы, кажется, кричать
(Когда, златым вином налита,
Обходит чаша вкруг столов
И свежим запахом плодов
Нас манят полные корзины),
Что все у бабушки Судьбины
В сей краткой жизни на счету,
Что старая то наслажденье,
То в списке вычеркнет мечту,
Прогонит радость; огорченье
Шлет с скукой и с болезнью нам,
Поссорит, разлучит нас с милой;
Перенесем, глядишь – а там
Она грозит нам и могилой.
Пусть плачут и томят себя,
Часов считают бой унылый!
Мы ж время измерять, друзья,
По налитым бокалам станем -
Когда вам петь престану я,
Когда мы пить вино устанем,
Да и его уж не найдем,

Тогда на утрод мелъком взглянем
И спать до вечера пойдем.
О, твой певец не ищет славы!
Он счастья ищет в жизни сей,
Свою любовь, свои забавы
Поет для избранных друзей
И никому не подражает.
Пускай Орестов уверяет,
Наш антикварий, наш мудрец,
Почерпнувший свои познания
В мадам Жанлис, что твой певец
И спит, и пьет из подражанья;
Пусть житель Острова, где вам,
О музы вечно молодые,
Желая счастья сынам,
Вверяет юношей Россия,
Пусть он, с священных сих берегов,
Невежа злой и своевольный
И глупостью своей довольный,
Мою поносит к вам любовь:
Для них я не потрачу слов -
Клянусь надеждами моими,
Я оценил сих мудрецов -
И если б я был равен с ними,
То горько б укорял богов.

Август 1821

83. ПОДРАЖАНИЕ БЕРАНЖЕ

Однажды бог, восстав от сна,
Курил сигару у окна
И, чтоб заняться чем от скуки,
Трубу взял в творческие руки;
Глядит и видит вдалеке -
Земля вертится в уголке.
"Чтоб для нее я двинул ногу,
Черт побери меня, ей-богу!
О человеки всех цветов! -
Сказал, зевая, Саваоф, -
Мне самому смотреть забавно,
Как вами управляю славно.
Но бесит лишь меня одно:
Я дал вам девок и вино,
А вы, безмозглые пигмеи,
Колотите друг друга в шею
И славите потом меня
Под гром картечного огня.
Я не люблю войны тревогу,
Черт побери меня, ей-богу!
Меж вами карлики-цари

Себе воздвигли алтари
И думают они, буффоны,
Что я надел на них короны
И право дал душить людей.
Я в том не виноват, ей-ей!
Но я уйму их понемногу,
Черт побери меня, ей-богу!
Попы мне честь воздать хотят,
Мне ладан под носом курят,
Страшат вас светопреставленьем
И ада грозного мученьем.
Не слушайте вы их вранья,
Отец всем добрым детям я;
По смерти муки не страшитесь,
Любите, пейте, веселитесь...
Но с вами я заговорюсь...
Прощайте! Гладкого боюсь!
Коль в рай ему я дам дорогу,
Черт побери меня, ей-богу!"

1821(?)

84. В АЛЬБОМ Б. АРАТЫНСКОМУ»

У нас, у небольших певцов,
Рука и сердце в вечной ссоре:
Одно тебе, без лишних слов,
Давно бы несколько стихов
Сердечных молвило, на горе
Моих воинственных врагов;
Другая ж лето все чертила
В стихах тяжелых вялый вздор,
А между тем и воды с гор
И из чернилицы чернила
Рок увлекал с толпой часов.
О, твой альбом-очарователь!
С ним замечтаться я готов.
В течение стольких вечеров
Он, как старинный мой приятель,
Мне о былом воспоминал!
С ним о тебе я толковал,
Его любезный обладатель!
И на листках его встречал

Черты людей, тобой любимых
И у меня в душе хранимых
По доброте, по ласкам их
И образованному чувству
К свободно-сладкому искусству
Сестер бессмертно-молодых.
1821 или 1822

85. ЗАСТОЛЬНАЯ ПЕСНЯ

"ES KANN SCHON NIGHT IMMER SO BLEIBEN!"

(Посвящена Баратынскому и Коншину)
Ничто не бессмертно, не прочно
Под вечно изменной луной,
И все расцветает и вянет,
Рожденное бедной землей.
И прежде нас много веселых
Любило и пить, и любить:
Нехудо гулякам усопшим
Веселья бокал посвятить.
И после нас много веселых
Полюбят любовь и вино,
И в честь нам напелят бокалы,

Любившим и пившим давно.
Теперь мы доверчиво, дружно
И тесно за чашей сидим.
О дружба, да вечно пылаем
Огнем мы бессмертным твоим!

1822

Роченсальм, в Финляндии

86. СОНЕТ

Я плыл один с прекрасною в гондоле,
Я не сводил с нее моих очей;
Я говорил в раздумье сладком с ней
Лишь о любви, лишь о моей неволе.
Брега цвели, пестрело жатвой поле,
С лугов бежал лепечущий ручей,
Все нежилось. – Почто ж в душе моей
Не радости, унынья было боле?
Что мне шептал ревнивый сердца глас?
Чего еще душе моей страшиться?
Иль всем моим надеждам не свершиться?
Иль и любовь польстила мне на час?
И мой удел, не осушая глаз,
Как сей поток, с роптанием сокрыться?

1822

87. (19 ОКТЯБРЯ 1822)

Что Илличевский не в Сибири,
С шампанским кажет нам бокал,
Ура, друзья! В его квартире
Для нас воскрес лицейский зал.
Как песни петь не позабыли
Лицейского мы Мудреца,
Дай бог, чтоб так же сохранили
Мы скотобратские сердца.
19 октября 1822

София, вам свои сонеты
 Поэт с весельем отдает:
 Он знает, от печальной Леты
 Альбом ваш, верно, их спасет!
 1822 или 1823

89. К А. Е. И〈ЗМАЙЛОВУ〉

Мой по камням старший брат,
 Твоим я басням цену знаю,
 Люблю тебя, но виноват:
 В тебе не все я одобряю.
 К чему за несколько стихов,
 За плод невинного веселья,
 Ты стаю вооружил певцов,
 Бранящих все в чаду похмелья?
 Твои кулачные бойцы
 Меня не выманят на драку,
 Они, не спорю, молодцы,
 Я в каждом вижу забияку,
 Во всех их взор мой узнает

Литературных карбонаров,
Но, друг мой, я не Дон-Кишот -
Не посрамлю своих ударов.
1822 или 1823

90. К МОРФЕЮ

Увы! ты изменил мне,
Нескромный друг, Морфей!
Один ты был свидетель
Моих сокрытых чувств,
И вздохов одиноких,
И тайных сердца дум.
Зачем же, как предатель,
В видении ночном
Святую тайну сердца
Безмолвно ты открыл?
Зачем, меня явивши
Красавице в мечтах,
Безмолвными устами
Принудил все сказать?
О! будь же, бог жестокий,
Будь боле справедлив:
Открой и мне взаимно,
Хотя в одной мечте,

О тайных чувствах сердца,
Сокрытых для меня.
О! дай мне образ милый
Хоть в призраке узреть;
И пылкими устами
Прильнув к ее руке...
Когда увижу розы
На девственном челе,
Когда услышу трепет
Стыдливой красоты,
Довольно – и, счастливец,
Я богу сей мечты
И жертвы благовонны,
И пурпурные маки
С Авророй принесу!
〈1823〉

91. К СОФИИ

За ваше нежное участие
Больной певец благодарит:
Оно его животворит;
Он молит: "Боже, дай ей счастье
В сопутники грядущих дней,
Болезни мне, здоровье ей!
Пусть я по жизненной дороге
Пройду и в муках, и в тревоге;
Ее ж пускай ведут с собой
Довольство, радость и покой".
Вчера я был в дверях могилы;
Я таял в медленном огне;
Я видел: жизнь, поднявши крылы,
Прощальный взор бросала мне;
О жизни сладостного чувства
В недужном сердце не храня,
Терял невольно веру я
Врачей в печальные искусства;
Свой одр в мечтах я окружал
Судьбой отнятыми друзьями,
В последний раз им руки жал,

Молил последними словами
Мой бедный гроб не провожать,
Не орошать его слезами,
Но чаще с лучшими мечтами
Мечту о друге съединять.
И весть об вас, как весть спасенья,
Надежду в сердце пролила;
В душе проснулись волненья;
И в вашем образе пришла
Ко мне порою усыпленья
Игея с чашей исцеленья.
Февраль 1823

92

Анахорет по принуждению
И злой болезни, и врачей,
Привык бы я к уединенью,
Привык бы к супу из костей,
Не дав испортить сожаленью
Физиономии своей;
Когда бы непонятной силой
Очаровательниц иль фей
На миг из комнаты моей,
И молчаливой, и унылой,

Я уносим был каждый день
В ваш кабинет, каменам милый.
Пусть, как испуганная тень
Певца предутреннего пенъем,
Послушав вас, взглянув на вас,
С немым, с безропотным терпеньем
И к небесам с благодареньем
Я б улетал к себе тотчас!
Я услаждал бы сим мгновеньем
Часы медлительного дня,
Отнятого у бытия
Недугом злым и для меня
Приправленного скукой тяжкой.
Февраль 1823

93. К ОШЕЙНИКУ СОБАЧКИ ДОМИНГО

Ты на Доминге вечно будь,
Моя надежда остальная,
И обо мне когда-нибудь
Она вздохнет, его лаская.

94. ПЕТЕРБУРГСКИМ ЦЕНЗОРАМ

Перед вами нуль Тимковский!
В вашей славе он погас;
Вы по совести поповской,
Цензуруя, жмете нас.
Славьтесь, Бируков, Красовский!
Вам дивится даже князь!
Член тюремный и Библейский,
Цензор, мистик и срамец,
Он с душонкою еврейской,
Наш гонитель, князя льстец.
Славься, славься, дух лакейский,
Славься, доблестный подлец!
Вас и дух святой робеет:
Он, как мы, у вас в когтях;
Появиться он не смеет
Даже в Глинкиных стихах.
Вот как семя злое зреет!
Вот как все у вас в тисках!
Ни угрозою, ни лаской,

Видно, вас не уломать;
Олин и Григорий Спасский
Подозренье в вас родят.
Славьтесь цензорской указкой!
Таски вам не миновать.

1823-1824

95

До рассвета поднявшись, извозчика взял
Александр Ефимыч с Песков
И без отдыха гнал от Песков чрез канал
В желтый дом, где живет Бирюков;
Не с Цертелевым он совокупно спешил
На журнальную битву вдвоем,
Не с романтиками переведаться мнил
За баллады, сонеты путем.
Но во фраке был он, был тот фрак запылен,
Какой цветом – нельзя распознать;
Оттопырен карман: в нем торчит, как чур-
бан,
Двадцатифунтовая тетрадь.
Вот к обеду домой возвращается он
В трехэтажный Моденова дом,

Его конь опенен, его Ванька хмелен,
И согласно хмелен с седоком.
Бирюкова он дома в тот день не застал -
Он с Красовским в цензуре сидел,
Где на Олина грозно вдвоем напирал,
Где фон Поль улыбаясь глядел.
Но изорван был фрак, на манишке табак,
Ерофеичем весь он облит.
Не в парнасском бою, знать в питейном до-
му

Был кварталными больно побит.
Соскочивши на Конной с саней у столба,
Притаяся у будки, стоял;
И три раза он кликнул Бориса-раба,
Из харчевни Борис прибежал.
"Подойди ты, мой Борька, мой трагик
смешно!

И присядь ты на брюхо мое;
Ты скотина, но, право, скотина лихой,
И скотство – по нутру мне твое".
(Продолжение когда-нибудь)

Твой друг ушел, презрев земные дни,
Но ты его, он молит, вспомяни.
С одним тобой он сердцем говорил,
И ты один его не отравил.
Он не познал науки чудной жить:
Всех обнимать, всех тешить и хвалить,
Чтоб каждого удобней подстеречь
И в грудь ловчей воткнуть холодный меч.
Но он не мог людей и пренебречь:
Меж ними ты, старик отец и мать.

Федорова Борьки
Мадригалы горьки,
Комедии тупы,
Трагедии глупы,
Эпиграммы сладки
И, как он, всем гадки.

1824

98. 19 ОКТЯБРЯ 1824

Семь лет пролетело, но, дружба,
Ты та же у старых друзей:
Все любишь лицейские песни,
Все сердцу твердишь про Лицей (2).
Останься ж век нашей хозяйкой
И долго в сей день собирай
Друзей, нестареющих сердцем,
И им старину вспоминай.
Наш милый начальник! ты с нами,
Ты любишь и нас, и Лицей,
Мы пьем за твое все здоровье,
А ты пей за нас, за друзей.
19 октября 1824

99. 19 ОКТЯБРЯ 1825

В третий раз, мои друзья,
Вам пою куплеты я
На пиру лицейском.

О, моя, поверьте, тень
Огласит сей братский день
В царстве Елисейском.
Хоть немного было нас,
Но застал нас первый час
Дружных и веселых.
От вина мы не пьяны,
Лишь бы не были хмельны
От стихов тяжелых.
И в четвертый раз, друзья,
Воспою охотно я
Вам лицейский праздник.
Лейся, жжёнка, через край,
Ты ж под голос наш играй,
Яковлев-проказник.
19 октября 1825

Снова, други, в братский круг
Собрал нас отец похмелья,
Поднимите ж кубки вдруг
В честь и дружбы, и веселья.
Но на время омрачим
Мы веселье наше, братья,
Что мы двух друзей не зрим
И не жмем в свои объятья.
Нет их с нами, но в сей час
В их сердцах пылает пламень.
Верьте. Внятен им наш глас,
Он проникнет твердый камень.
Выпьем, други, в память их!
Выпьем полные стаканы,
За далеких, за родных
Будем ныне вдвое пьяны.
19 октября 1826

101. А. Н. КАРЕЛИНОЙ

ПРИ ПОСЫЛКЕ "СЕВЕРНЫХ ЦВЕ-

ТОВ" НА 1827 ГОД

От вас бы нам, с краев Востока,
Ждать должно песен и цветов:
В соседстве вашем дух пророка
Волшебной свежестью стихов
Живит поклонников Корана;
Близ вас поют певцы Ирана,
Гафиз и Сади – соловьи!
Но вы, упорствуя, молчите,
Так в наказание примите
Цветы замерзшие мои.
Начало 1827

102. СОНЕТ

Что вдали блеснуло и дымится?
Что за гром раздался по заливу?
Подо мной конь вздрогнул, поднял гриву,
Звонко ржет, грызет узду, бодрится.
Снова блеск... гром, грянув, долго длится,
Отданный прибрежному отзыву...
Зевс ли то, гремя, летит на ниву
И она, роскошная, плодится?
Нет, то флот. Вот выплыли ветрилы,

Притекли громада за громадой;
Наш орел над русскою армадой
Распростер блистательные крилы
И гласит: "С кем испытать мне силы?
Кто дерзнет и станет мне преградой?"
Июль 1827
Ревель

Хвостова кипа тут лежала,
А Беранже не уцелел!
За то его собака съела,
Что в песнях он собаку съел!

1827

104

Я в Курске, милые друзья,
И в Полторацкого таверне
Живее вспоминаю я
О деве Лизе, даме Керне!

1828

105. ХОР

ДЛЯ ВЫПУСКА ВОСПИТАНИЦ ХАРЬКОВСКОГО ИНСТИТУТА

Три или четыре голоса
Подруги, скорбное прощанье
И нам досталось на удел!
Как сновиденье, как мечтанье,
Златой наш возраст пролетел!
Простите... Жизненное море
Уже принять готово нас;
На нем что встретим? Счастье ль, горе?
Еще судьбы безмолвен глас!
Один голос
Но не безмолвен голос сердца!
Он громко мне благовестит:
Кто здесь призрел меня, младенца,
Меня и там приосенит.
И наша мать, наше счастье,
Отрада стороны родной,

Нам будет в жизненном ненастье
Путеводительной звездой.

Хор

Свети, свети, звезда России,
Свети, бескровных благодать!

Пусть долго с именем Марии
Мы будем радость сочетать.

А ты, святое провиденье,
Внемли молению детей:

Она всех бедных утешенье,
За них воздателем будь ей!

106. В АЛЬБОМ Б. П. ЩЕРБИНИНОЙ

(В ДЕНЬ ЕЕ РОЖДЕНИЯ)
Как в день рождения (хоть это вам забавно)

Я вас спешу поздравить, подарить!
Для сердца моего вы родились недавно,
Но вечно будете в нем жить.

107. (РУССКАЯ ПЕСНЯ)

И я выду ль на крылечко,
На крылечко погулять,
И я стану ль у колечка
О любезном горевать;
Как у этого ль колечка
Он в последнее стоял,
И печальное словечко
Мне, прощаючись, сказал:
За турецкой за границей
В басурманской стороне,
По тебе лишь, по девице,
Слезы лить досталось мне!..

....

....

108. «РУССКАЯ ПЕСНЯ»

Как за реченькой слободушка стоит,
По слободке той дороженька бежит,
Путь-дорожка широка, да не длинна,
Разбегается в две стороны она:
Как налево – на кладбище к мертвецам,
А направо – к закавказским молодцам,
Грустно было провожать мне, молодой,
Двух родимых и по той, и по другой:
Обручальника по левой проводя,
С плачем матерью-землей покрыла я;
А налетный друг уехал по другой,
На прощанье мне кивнувши головой.

109. РУССКАЯ ПЕСНЯ

По небу
Тучи громовые ходят;
По полю
Пули турецкие свищут.
Молодцу ль
Грома и пули бояться?
Что же он
Голову клонит да плачет?
Бедному
Жаль не себя, горемыки,
Жаль ему
Душечки красной девицы!
Девушку
Грозный отец принуждает,
Красную
Жалобно матушка молит:
"Дитятко!
Выдь за богатого замуж!
Милое,

Верь, и не вспомнишь солдата!"

1828 или 1829

110. ОТСТАВНОЙ СОЛДАТ

(Русская идиллия)

Солдат

Нет, не звезда мне из лесу светила:

Как звездочка, манил меня час целый

Огонь ваш, братцы! Кашицу себе

Для ужина варите? Хлеб да соль!

Пастухи

Спасибо, служба! Хлеба кушать.

Солдат

Быть так,

Благодарю вас. Я устал порядком!

Ну, костыли мои, вам роздых! Рядом

Я на траву вас положу и подле

Присяду сам. Да, верст пятнадцать

Ушел я в вечер.

1-й пастух

А идешь откуда?

Солдат

А из Литвы, из виленской больницы.

Вот как из матушки России ладно

Мы выгнали гостей незваных – я
На первой заграничной перестрелке,
Беда такая, без ноги остался!
Товарищи меня стащили в Вильну;
С год лекаря и тем и сем лечили
И вот каким, злодеи, отпустили.
Теперь на костылях бреду кой-как
На родину, за Курск, к жене и сестрам.
2-й пастух

На руку, обопрись! Да не сюда,
А на тулуп раскинутый ложися!
Солдат

Спасибо, друг, господь тебе заплатит! -
Ах, братцы! Что за рай земной у вас
Под Курском! В этот вечер словно чудом
Помолодел я, вволю надышавшись
Теплом и запахом целебным! Любо,
Легко мне в воздухе родном, как рыбке
В реке студенной! В царствах многих был я!
Попробовал везде весны и лета!
В иных краях земля благоухает,
Как в светлый праздник ручка генеральши

И дорого, и чудно, да не мило,
Не так, как тут! Здесь целым телом ды-

ШИШЬ,

Здесь все суставчики в себя впивают
Простой, но сладкий, теплый воздух; словом,
ВОМ,

Здесь нежишься, как в бане старых бар!
И спать не хочется! Играл бы все
До солнышка в девичьем хороводе.

3-й пастух

И мы б, земляк, играть не отказались!
Да лих нельзя! Село далеко! Стадо ж
Покинуть без присмотра, положившись
Лишь на собак, опасно, сам ты знаешь!
Как быть! Но вот и кашлица поспела!
Перекрестяся, примемся за ужин.

А после, если к сну тебя не клонит,
То Расскажи нам (говоришь ты складно)
Про старое свое житье-бытье!

Я чай, везде бывал ты, все видал!

И домовых, и водяных, и леших,
И маленьких людей, живущих там,
Где край земли сошелся с краем неба,

Где можно в облако любое вбить
Крючок иль гвоздь и свой кафтан пове-
СИТЬ.

Солдат

Вздор мелешь, малый! Уши вянут! Полно!
Старухи врут вам, греясь на печи,
А вы им верите! Какие черти
Крещеному солдату захотят
Представиться? Да ныне ж человек
Лукавей беса! Нет, другое чудо
Я видел, и не в ночь до петухов,
Но днем оно пред нами совершилось!
Вы слышали ль, как заступился бог
За православную державу нашу,
Как сжалился он над Москвой горящей,
Над бедною землею, не посевом,
А вражьими ватагами покрытой, -
И раннюю зиму послал нам в помощь,
Зиму с морозами, какие только
В Николин день да около Крещенья
Трещат и за щеки и уши щиплют?
Свежо нам стало, а французам туго!
И жалко, и смешно их даже вспомнить!
Окутались от стужи чем могли,
Кто шитой душегрейкой, кто лохмотьем,
Кто ризою поповской, кто рогожей,
Убрались все, как святочные хари,
И ну бежать скорее из Москвы!
Недалеко ушли же. На дороге

Мороз схватил их и заставил ждать
Дня судного на месте преступления:
У божьей церкви, ими оскверненной,
В разграбленном анбаре, у села,
Сожженного их буйством! – Мы, бывало,
Окончив трудный переход, сидим,
Как здесь, вокруг огня и варим щи,
А около лежат, как это стадо,
Замерзлые французы. Как лежат!
Когда б не лица их и не молчанье,
Подумал бы, живые на биваке
Комедию ломают. Тот уткнулся
В костер горящий головой, тот лошадь
Взвалил, как шубу, на себя, другой
Ее копыто гложет; те ж, как братья,
Обнялись крепко и друг в друга зубы
Вонзили, как враги!

Пастухи

Ух, страшно, страшно!

Солдат

А между тем курьерский колокольчик,
Вот как теперь, и там гремит, и там
Прозвякнет на морозе; отовсюду
Везут известья о победах в Питер
И в обгорелую Москву.

1-й пастух

Э, братцы,

Смотрите, вот и к нам тележка скачет,

И офицер про что-то ямщику

Кричит, ямщик уж держит лошадей;

Не спросят ли о чем нас?

Солдат

Помоги

Мне встать: солдату вытянуться надо...

Офицер

(подъехав)

Огня, ребята, закурить мне трубку!

Солдат

В минуту, ваше благородье!

Офицер

Ба!

Товарищ, ты как здесь?

Солдат

К жене и сестрам

Домой тащуся, ваше благородье!

За рану в чистую уволен!

Офицер

С богом!

Снеси ж к своим хорошее известье:

Мы кончили войну в столице вражьей,

В Париже русские отмстили честно
Пожар московский! Ну, прости, товарищ!
Солдат
Прощенья просим, ваше благородье!
Офицер уезжает.
Благословение господне с нами
Отныне и вовеки буди! Вот как
Господь утешил матушку Россию!
Молитесь, братцы! Божьи чудеса
Не совершаются ль пред нами явно!
〈1829〉

111. ИЗОБРЕТЕНИЕ ВАЯНИЯ

(Идиллия)

(Посвящается В. И. Григоровичу)

"В куцу ко мне, пастухи и пастушки! В куцу скорее,

Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!

Боги благие меня, презренного девой жестокой,

Дивно возвысили! Слабые взоры мои усладились

Светлым, небесным видением! Персты мои совершили,

Смертные, дело бессмертное! Зов мой услышьте, бегите

В куцу ко мне, пастухи и пастушки! В куцу скорее,

Старцы и жены, годами согбенные! К чуду вас кличу!"

Так по холмам и долинам бегал и голосом звонким

Кликал мирно пасущих стада пастухов ио-

нийских

Ликидас юный, из розовой глины творив-
ший искусно

Чаши, амфоры и урны печальные, именем
славный,

Пламенным сердцем несчастный! Любовь
без раздела – несчастье!

Ликидас, всеми любимый, был презрен
единой пастушкой,

Злою Харитой, которою он безрассудно
пленился!

"Образ Хариты! Харита живая! Харита из
глины!" -

Разом вскричали вбежавшие в кущу. Кри-
ки слились

В радостный вой, восходящий до неба, и в
узкие двери,

Словно река, пастухи потекли, толпа за
толпою.

"Други, раздайтесь! – им Ликидас молвил. –
Так, образ Хариты,

Девы жестокой, вы видите! Боги сей по-
двиг великий

Мне помогли совершить и глину простую
в небесный

Облик одели, но в прочности ей отказали!
Раздайтесь,
Други, молю вас! Может иной, в тесноте
продираясь,
Вдруг без намеренья ринуться прямо на
лик сей и глину
Смять и меня еще в злейшую долю поверг-
нуть! Садитесь,
Крайние, вы же все замолчите, вам чудо
скажу я!
Много дней и ночей, томим безнадежной
любовью,
Сна не знал я, пищи не брал и дела не де-
лал.
Словно призрак печальный, людей убегая,
блуждал я
Вдоль по пустынному берегу морскому; слу-
шал стенанье
Волн и им отвечал неутешным рыданием.
Нынче
Ночью – как и когда, не припомню – упал
на песок я,
Смолк и забылся. К утру, чувствую, теплой
рукою
Кто-то плечо мое тронул и будит меня, и

приятно

На ухо шепчет: "Ликидас, встань! Подкре-
пи себя пищей,

В кущу иди и за дело примися! Что сотво-
ришь ты,

Вечной Киприде в дар принеси: уврачует
богиня

Сердце недужное!" Взоры я поднял – на-
прасно! Поднялся -

Нет никого ни вблизи, ни вдали! Но сове-
ты благие

В сердце запали послушное: в кущу иду я и
глину

Мну и, мягкий кусок отделивши, на круг
повергаю;

Сел я, не зная, что делать; по глыбе по-
слушной без мыслей

Пальцы блуждают, глаза не смотрят за ни-
ми, а сердце -

Сердце далеко, на гордость Хариты,
несчастное, ропщет!

Вдруг, как лучом неожиданным в бурю,
меня поразило

Что-то знакомое, я встrepенулся, и сердце
забилося.

Боги! на глине я вижу очерк прямой и чудесный

Лба и носа прекрасной Хариты, дивно похожий!

Вижу: и кудри густые, кругом завиваясь, повисли;

Место для глаз уж назначено, пальцы ж трудятся добраться

В мякоти чудной до уст говорливых! С этого мига

Я не знаю, что было со мною! Пламя, не сердце,

Билось во мне, и не в персях, а в целом разлитое теле,

С темя до ног! И руки мои, и глина, и куща, Дивно блистая, вертелись! Лишь помню: прекрасный младенец

Стрелкой златою по глине сверкал, придавая то гордость

Светлому лбу, то понятливость взгляду, то роскошь ланитам.

Кончил улыбкой, улыбкой заманчиво-сладкой! Свершил ось!

С места восстал я, закрыл рукою глаза, а другою -

Кудри свои захватил и подернул: хотел я скорее

Боль почувствовать, все ли живу я, узнать! – "Совершилось

Смертным бессмертное! – голос священный внезапно раздался. -

Эрмий, раскуй Промефея! Старец, утешься меж славных

Теней! Небесный огонь не вотще похищен был тобою!

Пользой твое святотатство изгладилось! Ты же, мгновенной,

Брэнной красе даровавший бессмертье, взглянь, как потомкам

Поздним твоим представятся боги в нетленном сияньи,

Камень простой искусством твоим оживить в их подобьи,

Смертных красой к небесам восхищать и о Зевсе глаголать!"

Где я? Стрела прорезала небо! Олимп предо мною!

Феб-Аполлон, это ты, это ты! Тетива еще стонет,

Взор за стрелой еще следует, славой чело и

ланинты

Блещут; лишь длань успокоилась, смерть
со стрелою пустивши!

Мне ли пред вами стоять, о бессмертные
боги! Колени

Гнутся, паду! Тебе я сей лик приношу, Ки-
ферея,

Дивно из моря исшедшая в радость бес-
смертным и смертным!

Слепну! Узрел я Зевеса с Горгоной на дла-
ни могучей!

Кудри, как полные грозды, венчают главу
золотую,

В легком наклоне покрывшую вечный
Олимп и всю землю!"

Между 1825 и 1829

112. К П***

ПРИ ПОСЫЛКЕ ТЕТРАДИ СТИХОВ.

Брожение юности унялось,
Остепенился твой поэт,
И вот ему что отстоялось
От прежних дел, от прошлых лет.
Тут все, знакомое субботам,
Когда мы жили жизнью всей
И расходились на шесть дней:
Я – снова к лени, ты – к заботам.

1829

113

Увижу ль вас когда-нибудь
С моею нежной половиной,
Увижу ль вас когда-нибудь,
О милый свадрик с плоховиной!

114. ЧЕТЫРЕ ВОЗРАСТА ФАНТАЗИИ

Вместе с няней фантазия тешит игрушкой
младенцев,
Даже во сне их уста сладкой улыбкой жи-
вит;

Вместе с любовницей юношу мучит, маня
непрестанно

В лучший и лучший мир, новой и новой
красой;

Мужа степенного лавром иль веткой дубо-
вой прельщает,

Бедному ж старцу она тщетным ничем не
блестит!

Нет! на земле опустевшей кажет печаль-
ную урну

С прахом потерянных благ, с надписью: в
небе найдешь.

Не осенний частый дождичек
Брызжет, брызжет сквозь туман:
Слезы горькие льет молодец
На свой бархатный кафтан.
"Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!"
– "Не тоска, друзья-товарищи,
Грусть запала глубоко,
Дни веселия, дни радости
Отлетели далеко".
– "Полно, брат молодец!
Ты ведь не девица:
Пей, тоска пройдет;
Пей, пей, тоска пройдет!"
– "И как русский любит родину,
Так люблю я вспоминать
Дни веселия, дни радости,

Как пришлось мне горевать".

– "Полно, брат молодец!

Ты ведь не девица:

Пей, тоска пройдет;

Пей, пей, тоска пройдет!"

116. ГРУСТЬ

Счастлив, здоров я! Что ж сердце грустит?
Грустит не о прежнем;

Нет! Не грядущего страх жмет и волнует
его.

Что же? Иль в миг сей родная душа расста-
ется с землею?

Иль мной оплаканный друг вспомнил на
небе меня?

117. МАЛОРОССИЙСКАЯ МЕЛОДИЯ

Я ль от старого бежала,
В полночь травы собирала,
Травы с росами мешала,
Все о воле чаровала.
Птичке волю, сердцу волю!
Скоро ль буду я вдовою?..
Дайте, дайте погуляю,
Как та рыбка по Дунаю,
Как та рыбка с окунями,
Я, молодка, с молодцами,
Как та рыбка со плотвою,
Я с прилукой-красотою!

118. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Как у нас ли на кровельке,
Как у нас ли на крашеной
Собиралися пташечки,
Мелки пташечки, ласточки,
Щебетали, чиликали,
Несобравшихся кликали:
"Вы слетайтесь, не медлите,
В путь-дороженьку пустимся!
Красны дни миновалися,
Вдоволь вы наигралися,
Здесь не ждать же вам гибели
От мороза трескучего!"
Государь ты мой батюшка,
Государыня матушка!
Меня суженый сватает,
Меня ряженный сватает;
Поспешите, не мешкайте,
Меня поезду выдайте,
С хлебом-солию, с образом,

С красотой проходящею!
Мне не век вековать у вас,
Не сидеть же все девицей
Без любви и без радости
До ворчуньи ль до старости.

119. СЛЕЗЫ ЛЮБВИ

Сладкие слезы первой любви, как роса, вы
иссохли!

– Нет! на бессмертных цветах в светлом
раю мы блестим!

120. УДЕЛ ПОЭТА

Юноша
Сладко! Еще перечту! О, слава тебе,
песнопевец!

Дивно глубокую мысль в звучную ткань
ты облек!

В чьих ты, счастливец, роскошных садах
надышался весной?

Где нажурчали ручьи говор любовный те-
бе?

Гений поэта

Где? Я нашел песнопевца на ложе недуга,
беднее

Старца Гомера, грустней Тасса, страдальца
любви!

Но я таким заставлял и Камоэнса в дикой
пещере,

Так и Сервантес со мной скорбь и тюрьму
забывал!

За что, за что ты отравила
Неисцелимо жизнь мою?
Ты как дитя мне говорила:
"Верь сердцу, я тебя люблю!"
И мне ль не верить? Я так много,
Так долго с пламенной душой
Страдал, гонимый жизнью строгой,
Далекий от семьи родной.
Мне ль хладным быть к любви прекрас-
ной?

О, я давно нуждался в ней!
Уж помнил я, как сон неясный,
И ласки матери моей.
И много ль жертв мне нужно было?
Будь непорочна, я просил,
Чтоб вечно я душой унылой
Тебя без ропота любил.
1829 или 1830

122. ПОЭТ

Долго на сердце хранит он глубокие чувства и мысли:

Мнится, с нами, людьми, их он не хочет делить!

Изредка, так ли, по воле ль небесной, вдруг запоет он, -

Боги! в песнях его счастье, и жизнь, и любовь,

Все, как в вине вековом, початом для гостя родного,

Чувства ласкают равно: цвет, благовонье и вкус.

1830

123

Смерть, души успокоенье!
Наяву или во сне
С милой жизнью разлученье
Объявить слетишь ко мне?
Днем ли, ночью ли задуешь
Бренный пламенный ты мой
И в обмен его даруешь
Мне твой светоч неземной?
Утром вечного союза
Ты со мной не заключай!
По утрам со мною муза,
С ней пишу я – не мешай!
И к обеду не зову я:
Что пугать друзей моих;
Их люблю, как есть люблю я
Иль как свой счастливый стих.
Вечер тоже отдан мною
Музам, Вакху и друзьям;
Но ночью тишиною

Съединиться можно нам:
На одре один в молчаньи
О любви тоскую я,
И в напрасном ожиданьи
Протекает ночь моя.
1830 или 1831

124. РУССКАЯ ПЕСНЯ

Я вечер в саду, младешенька, гуляла,
И я белую капусту поливала,
Со пр_а_вой руки колечко потеряла;
Залилася я горячими слезами,
И за это меня матушка бранила:
"Стыдно плакать об колечке! – говорила. -
Я куплю тебе колечко золотое,
Я куплю тебе колечко с изумрудом".
– "Нет, нет, матушка, не надо никакого!
То колечко было друга дорогого;
Милый друг дал мне его на память.
Любовь милого дороже изумруда.
Любовь милого дороже всего света".
1820-е – начало 1830-х

Пусть нам даны не навсегда
 И жизнь, и жизни наслажденье,
 Пусть, как падучая звезда,
 Краса блестит одно мгновенье, -
 Да будет так! Закон богов
 Без ропота благословляю,
 А все на путь мой я цветов,
 Как жизнь минутных, рассыпаю.
 Конец 1820-х – начало 1830-х

126. «НАБРОСОК ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ О ТАССО»

Тасс
 Удались, ты так же все сияешь
 И в стране призраков и теней,
 Ты и здесь, царица, всех пленяешь
 Красотой могущею своей,
 Ты опять в Торквате разжигаешь
 Страшный огонь, всю ревность прежних
 дней!

Удались, хотя из состраданья,
Мне страдать нет силы, ни желанья!

Елеонора

Бедный друг, божественный Торквато!

Прежним я и здесь тебя нашла.

Так, была царицей я когда-то,

Но венец как бремя я несла,

И в душе, любовьию объятой,

Мысль одна отрадная жила,

Чтоб тобой, певец Ерусалима,

Я славна и пламенно любима.

Тасс

Замолчи, молю, Елеонора!

Здесь, как там, мы будем розно жить.

Но сей скиптр, венец и блеск убора

Там должны ль нас были разлучить!

Устыдись сердечного укора:

Никогда не знала ты любить.

Ах, любовь все с верой переносит,

Терпит все, одной любви лишь просит.

Конец 1820-х – начало 1830-х

От души ль ты, господин служивый,
Песни, ходя на часах, поешь,
Вспоминаешь ли отца и мать,
О девице ль горько слезы льешь,
Иль в забаву речи так выводешь,
Как весною соловьи поют.
Конец 1820-х – начало 1830-х

На теплых крыльях летней тьмы
 Через запах роз промчались мы
И по лучам ночных светил
Тебя спустили средь могил.
Гляди смелей: кладбище здесь;
Плакучих ив печальный лес
Над урной мраморной шумит,
Вблизи ее седой гранит
Едва виднеет меж цветов;
Кругом кресты, и без крестов
Лишь две могилы.
Конец 1820-х – начало 1830-х

И веще́го бояна опустили
Сквозь запах роз и песни соловьев
Под тень олив, на ложе из цветов.
Конец 1820-х – начало 1830-х

Мы весело свои кончали дни!
Что до чужих? Пускай летят они,
В двух сторонах экватор рассекая,
Но мы б, друзей под вечер оставляя,
Фортуне вслед не думали бежать.
Конец 1820-х – начало 1830-х

Когда крылам воображенья
Ты вдохновенный миг отдашь,
Презри земные обольщенья,
Схвати, художник, карандаш.
Богами на сии мгновенья
Весь озаряется дух наш,
Ты вскрикнешь: в тайне я творенья
Постигнул помысл, боги, ваш.
Конец 1820-х – начало 1830-х

Певец Онегина один
Вас прославлять достоин, Ольга,
Его стихи блещут, как злато, как рубин,
Мои ж – как мишура и фольга.
Конец 1820-х – начало 1830-х

Друг Пушкин, хочешь ли отведать
Дурного масла, яиц гнилых, -
Так приходи со мной обедать
Сегодня у своих родных.
Конец 1820-х – начало 1830-х

Нет, я не ваш, веселые друзья,
Мне беззаботность изменила.
Любовь, любовь к молчанию меня
И к тяжким думам приучила.
Нет, не сорву с себя ее оков!
В ее восторгах неделимых
О, сколько мук! о, сколько сладких снов!
О, сколько чар неодолимых.
Конец 1820-х – начало 1830-х

Примечания

Настоящее издание сочинений А. А. Дельвига представляет читателю все стороны его творчества: стихи, незавершенные драматические и прозаические опыты, критические и полемические статьи и письма. До сего времени единственной попыткой собрать воедино наследие поэта были вышедшие девяносто лет назад "Сочинения барона А. А. Дельвига" под редакцией В. В. Майкова (СПб., 1893) (да-

лее: Изд. 1893) – издание, не преследовавшее научных целей и к настоящему времени совершенно устаревшее. На современном научном уровне издано лишь поэтическое наследие Дельвига: в 1934 г. в большой серии "Библиотеки поэта" появилось полное собрание его стихотворений, подготовленное выдающимся советским текстологом и историком литературы Б. В. Томашевским; это издание (Изд. 1934), повторенное с некоторыми дополнениями в 1959 г. (Изд. 1959), дало критически установленный текст стихов Дельвига и является основой для всех последующих переизданий, в том числе и для настоящего.

Вслед за стихотворениями Дельвига Б. В. Томашевский предполагал издать и его прозу и письма, но не успел завершить эту работу. Он дал библиографию критических статей и писем, не вошедших в Изд. 1893, и описал сохранившиеся автографы Дельвига. История собирания писем поэта и оставшиеся до последнего времени неизданными письма сообщены в публикации Е. М. Хмелевской "Письма А. А. Дельвига" (ПК, с. 20-33).

Особую сложность представляет установ-

ление корпуса критических статей Дельвига. Почти все они были напечатаны анонимно (ЛГ, 1830-1831). Первую попытку выделить их из числа других анонимных статей сделал В. П. Гаевский, пользовавшийся рукописями Дельвига; в дальнейшем атрибутирование статей в ЛГ выросло в особую исследовательскую проблему, связанную прежде всего с определением анонимных статей Пушкина (работы А. А. Фомина, Н. О. Лернера и в особенности Б. В. Томашевского и В. В. Виноградова. – см.: Пушкин. Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 218-220).

Все эти достижения и сложности современного состояния изучения Дельвига предопределили отбор и распределение материала в настоящем издании. В первом его разделе – "Стихотворения" – представлено полностью поэтическое наследие Дельвига. В первой части раздела мы воспроизводим единственный прижизненный сборник стихов Дельвига, подготовленный самим поэтом, сохраняя авторское расположение стихотворений. Все тексты (за исключением одного, N 23, где в стихе 18-м введена авторская поправ-

ка по печатному экземпляру ИРЛИ) печатаются по этому сборнику.

Вторая часть раздела – "Стихотворения, не вошедшие в сборник 1829 года" – включает ранние опыты, поздние стихи, написанные уже после выхода сборника, а также стихи, оставшиеся за его пределами по личным или цензурным причинам. Этот подраздел строится в хронологическом порядке. Источником текста в нем в ряде случаев оказывается не первая журнальная публикация, а более поздняя редакция автографа (это в первую очередь касается ранней лирики). Обоснование источника текста, а также перечисление существующих автографов читатель должен искать в Изд. 1934 и Изд. 1959. Уже после выхода этих изданий в ЦГАЛИ поступила тетрадь с автографами Дельвига, сообщенными Б. В. Томашевскому Н. Ф. Бельчиковым (ф. 2657, оп. 2, N 40), и обнаружился ряд автографов в ИРЛИ, с неизвестным ранее "Посланием к А. Д. Илличевскому" (1815) (см.: Терехина Р. Е. Поступления в лицейское собрание пушкинского фонда. – Изв. ОЛЯ, серия лит. и языка, 1972, вып. 2, март – апрель, с. 176-184;

шифр: ф. 244, оп. 25, N 379). Автограф "Стихов на рождение В. К. Кюхельбекера", находившийся в ЦГИА, ныне хранится в ЦГАОР – ф. 828 (А. М. Горчакова), оп. 1, N 98; в этом же фонде – копии нескольких ранних стихотворений. По Изд. 1934 печатаются лицейские стихи N 1-6, 8-9, 11, 16-17, 20-23, 25, 30-36, 37, 39-40, 42-43, 45-52; стихи 1817-1831 гг. N

55-56, 58-59, 61-64, 66-68, 70-71, 73-78, 81-82, 84, 86, 88-89, 92-93,

96-98, 121, 123, 125-132, 134; драматические и прозаические отрывки, коллективные стихи (N 4). Сверка текстов с автографами и печатными источниками позволила устранить некоторые неточности, вкравшиеся в особенности в Изд. 1959, работа над которым была прервана смертью Б. В. Томашевского. Ряд уточнений по рукописным источникам содержит также изд.: Дельвиг А. А. Стихотворения. Вступ. ст., подгот. текста и примеч. И. В. Исакович. Л., 1963 (Б-ка поэта, Малая серия.)

В разделе "Статьи" – собраны рецензии и заметки, для которых авторство Дельвига устанавливается с полной достоверностью, на основании автографа или документальных свидетельств. Мелкие редакционные примечания и редакционные объявления, принадлежащие Дельвигу, в издание не вошли.

Вслед за статьями мы помещаем неболь-

шой раздел "Коллективное", куда входят четыре стихотворения, написанные Дельвигом вместе с Баратынским, Пушкиным и др., и две полемические статьи из "Литературной газеты", по свидетельству А. И. Дельвига, составленные вместе с Пушкиным.

Основной корпус книги заканчивается разделом "Письма". Эпистолярное наследие Дельвига – памятник очень высокой ценности – и в историческом, и в психологическом, и в литературном отношении; он содержит первостепенной важности сведения о культурной жизни пушкинской эпохи, сохраняет для нас неповторимые черты личности поэта и является заметным образцом эпистолярной прозы 1820-х гг. – того времени, когда достигает своего расцвета жанр литературного письма. Письма Дельвига – органическая часть его творческого наследия, между тем они практически остаются читателю недоступными: они рассеяны в специальных изданиях и многие из них, известные только в дореволюционных публикациях, никогда не печатались полностью; текст их искажен купюрами редакторского и цензурного происхождения. В

настоящем издании они собраны с возможной полнотой и публикуются или уточняются по автографам, хранящимся в ИРЛИ (письма Е. А. Баратынскому – N 21751 и ф. 93, оп. 3, N 425, письмо 1827 г.; К. М. Бороздину – ф. 244, оп. 25, N 247, 248; В. Д. Вольховскому – ф. 244, оп. 25, N 89; И. А. Гарижскому – ф. 58, N 36; в Главный цензурный комитет (2, 1826) – ф. 244, оп. 16, N 116; Н. И. Гнедичу – 91.1 с; В. И. Григоровичу – ф. 93, оп. 3, N 426, письмо 1826 г.; А. А. и Л. М. Дельвигам – N 26308; А. П. Елагинной-Киреевской – N 28559; Г. С. Карелину – ф. 93, оп. 3, N 428; В. Д. Карнильеву – N 26310; А. П. Керн – ф. 93, оп. 4, N 22; П. А. Осиповой – N 9017, ф. 244, оп. 17, N 73 (письмо 15 сентября 1826 г.); в Петербургский цензурный комитет (1829) – 93.1.6; П. А. Плетневу – N 26311; А. С. Пушкину – ф. 244, оп. 2, N 148; А. А. Рохмановой – N 26312; С. М. Салтыковой – N 26309; О. М. Сомову – ф. 244, оп. 25, N 248; С. С. Фролову – ф. 244, оп. 1, N 424; П. И. Шаликову – N 4773); ЦГАЛИ (П. А. Вяземскому – ф. 195, оп. I, N 1829, 5084; письмо N 104 – ф. 171, оп. I, N 7; В. К. Кюхельбекеру, N 5 – ф. 256, оп. 2, N 11; N 8 – ф. 2567, оп. 2, N 268; М. А. Максимовичу, N 99 – ф.

314, оп. 1, N 23; И. В. Сленину – ф. 171, оп. 1, N 10); ГПБ (Н. М. Коншину, ф. 369, N 31); А. Н. Оленину (Архив Публичной библиотеки); ГБЛ (М. П. Погодину, Пог./II, 46.17); ЦГИА (В Петербургский цензурный комитет, ф. 777, оп. I, N 287; в Главный цензурный комитет (1827) – ф. 777, оп. 1, N 608); ЛОИИ (Н. А. Полевому, кол. 238, оп. 2, N 272/287). Ряд автографов писем остается неразысканным. В приложениях к книге печатаются ранние редакции стихов, подвергшихся значительной переработке, а также набросок неосуществленной статьи о "Димитрии Самозванце" и прозаические планы идиллий (ранее не публиковавшиеся)

Научно-справочный аппарат сокращен с учетом специфики массового издания и содержит лишь сведения, необходимые для реального и историко-литературного понимания текста. В нем использованы (без специальной ссылки) данные изданий 1934, 1959 и 1963 гг., а также публикаторов и комментаторов данного текста; вместе с тем они учитывают и новейшие исследования о Дельвиге и его эпохе. В примечаниях непосредственно за порядковым номером произведения следует

указание на первую публикацию; повторные публикации указываются лишь тогда, когда содержат иную редакцию текста. Отсутствие указаний на источник текста (кроме случаев, оговоренных выше) означает, что таковым является первая публикация (уточнения, возникшие в результате сверки с источниками, не оговариваются).

Стихи Дельвига, как правило, не датированы автором (исключения оговорены в примечаниях); они датируются либо по месту автографа в тетради стихов (обоснование см. в Изд. 1934 и 1959), либо по реалиям, либо, наконец, по времени первой публикации. Дельвиг нередко печатал свои стихи много позднее написания, поэтому если первая публикация оказывается единственным основанием датировки, дата под стихотворением берется в ломаные скобки. Даты чтений стихов Дельвига в ОЛРС и ОЛСНХ устанавливаются по кн.: Базанов и архиву ОЛСНХ в Научной библиотеке им. М. Горького (ЛГУ). Сведения об упоминаемых в тексте исторических лицах см. в аннотированном именном указателе; о мифологических персонажах – в "Словаре".

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

А Т – Архив братьев Тургеневых: Переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, вып. 6. Пг., 1921.

Б – Благонамеренный.

Базанов – Базанов В. Ученая республика. М.; Л., 1964.

Баратынский, 1869 – Сочинения Е. А. Баратынского... М., 1869.

Барсуков – Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 1-22. СПб.,

1888-1910.

БЗ – Библиографические записки.

Блинова – Блинова Е. М. "Литературная газета" А. А. Дельвига и А. С. Пушкина. 1830-1831. Указатель содержания. М., 1966.

Боратынский, 1951 – Боратынский Е. А. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., 1951.

Вацуро – Вацуро В. Э. "Северные цветы": История альманаха Пушкина-Дельвига. М., 1978.

ВЕ – Вестник Европы.

Верховский – Верховский Ю. Барон Дельвиг: Материалы биографические и литературные... Пб., 1922.

Виноградов – Виноградов В. В. Проблема авторства и теория стилей. М.,

1961.

Врем. ПК – Временник Пушкинской комиссии, 1962-1981, М.; Л., 1963-1985.

Вяземский – Вяземский П. А. Полное собрание сочинений, т. I-XII. СПб.,

1878-1896.

Г – Галатея.

Гаевский, 1-4-Гаевский В. П. Дельвиг. Статьи 1-4. – Современник, 1853, N 2, отд. III, с. 45-88; N 5, отд. III, с. 1-66; 1854, N 1, отд. III, с. 1-52; N 9, отд. III, с. 1-64.

Гастфрейнд – Гастфрейнд Н. Товарищи Пушкина по имп. Царскосельскому Лицею. Материалы для словаря лицеистов 1-го курса 1811 – 1817 гг., т. I-III. СПб., 1912-1913.

Гоголь – Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений, т. I-XIV. М.,

1937-1952.

ГПБ – Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).

Греч – Греч Н. И. Записки о моей жизни. М.; Л., 1930.

А. И. Дельви́г – Дельви́г А. И. Мои воспоминания, т. 1-4. М., 1912-1913.

ИВ – Исторический вестник.

Изд. 1829 – Стихотворения барона Дельвига. СПб., 1829.

Изд. 1893. – Сочинения барона А. А. Дельвига. С приложением биографического очерка, составленного Вал. В. Майковым. СПб., 1893.

Изд. 1934 – Дельви́г А. А. Полное собрание стихотворений / Ред. и примеч. Б. Томашевского. Вступ. статьи И. Виноградова и Б. Томашевского. Л., 1934. (Б-ка поэта, Большая серия).

Изд. 1959 – Дельви́г А. А. Полное собрание стихотворений / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. Б. В. Томашевского. 2-е изд. Л., 1959. (Б-ка поэта, Большая серия.)

ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом)

АН СССР.

КА – Красный архив.

Керн – Керн А. П. Воспоминания. Дневники. Переписка / Вступ. ст., подгот. текста и примеч. А. М. Гордина. М., 1974.

Кобеко – Кобеко Д. Ф. Имп. Царскосельский Лицей: Наставники и питомцы. 1811 – 1843. СПб., 1911.

ЛГ – Литературная газета.

Лит. портф. – Литературные портфели, I. Время Пушкина. Пб., 1923.

ЛН – Литературное наследство.

МВ – Московский вестник.

Модзалевский – Модзалевский Б. Л. Пушкин. Л., 1929.

МТ – Московский телеграф.

НЗ – Невский зритель.

НЛ – Новости литературы.

НС – Дельвиг. Неизданные стихотворения / Под ред. М. Л. Гофмана. Пб.,

1922.

ОА – Остафьевский архив кн. Вяземских / Под ред. и с примеч. В. И. Саитова, т. I-V. СПб., 1899-1913.

ОЗ – Отечественные записки.

ОЛРС – Вольное общество любителей российской словесности (Петербург).

ОЛРС при Моск. ун-те – Общество любителей российской словесности при Московском университете.

ОЛСНХ – Вольное общество любителей словесности, наук и художеств (Петербург).

П. в восп. – А. С. Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М.,

1974.

П. в печ. – Синявский Н., Цявловский М.
П. Пушкин в печати: Хронолог, указ, произведений Пушкина, напечатанных при его жизни. 2-е изд., испр. М.,

1938.

П. Врем. 1-6. Пушкин. Временник Пушкинской комиссии. 1-6. М; Л.,

1936-1941.

Переписка П. – Переписка А. С. Пушкина: В 2-х т. М., 1982.

ПЗ – Полярная звезда.

П. Иссл. и мат. – Пушкин: Исследования и материалы, т. I-XI. М.; Л.,

1956-1983.

Письма к Вяз. – Письма А. С. Пушкина, бар. А. А. Дельвига, Е. А. Баратынского и П. А. Плетнева к князю П. А. Вяземскому. СПб., 1902.

ПК – Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1979. Л., 1980.

ПЛ – Грот К. Я. Пушкинский Лицей (1811 – 1817). Бумаги 1-го курса, собранные акад. Я. К. Гротом. СПб., 1911.

Полевой – Николай Полевой: Материалы по истории русской литературы и журналистики 30-х годов XIX в. Л., 1934.

Поэты 1820-30-х гг., т. 1,2 – Поэты 1820-х – 1830-х гг., т. 1-2. Л.,

1972.

ПС – Пушкин и его современники: Материалы и исследования, вып. I-XXXIX. СПб., 1903-1930.

Пушкин – Пушкин. Полное собрание сочинений, Т. I-XVII. М.; Л.,

1937-1959.

РА – Русский архив.

РБ – Русский библиофил.

РЛ – Русская литература.

РМ – Российский музей.

РП – Русские пропилеи. Т. 6. Материалы по истории русской мысли и литературы / Собрал и приготовил к печати М. Гершензон. М., 1919.

РС – Русская старина.

РЭ – Русская эпиграмма конца XVII – начала XX, вв. Л., 1975.

СВ – Виноградская А. [Керн А. П.] Отрывок из записок: Воспоминания о Пушкине, Дель-

виге и Глинке. – Семейные вечера (старший возраст), 1864, N 10, с. 679-683.

СМ – Северный Меркурий.

СН – Старина и новизна.

СО – Сын отечества.

СО и СА – Сын отечества и Северный архив.

Совр. – Современник.

СП – Соревнователь просвещения и благотворения (Труды Общества любителей российской словесности).

СПб. вед. – Санкт-Петербургские ведомости.

СПч. – Северная пчела.

СЦ – Северные цветы.

Тынянов. Кюхельбекер – Тынянов Ю. Н. В. К. Кюхельбекер. – В кн.: Кюхельбекер В. К. Лирика и поэмы, т. 1. Л., 1939.

Хетсо – Хетсо Г. Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo-Bergen-Tromso, 1973.

ЦГАЛИ – Центральный гос. архив литературы и искусства (Москва).

ЦГАОР – Центральный гос. архив Октябрьской революции.

ЦГВИА – Центральный гос. Военно-исторический архив (Москва).

ЦС – Царское Село: Альманах на 1830

год/Издан Н. Коншиным и б(ароном) Розеном.
СПб., 1829.

ЯА – Языковский архив, вып. 1. Письма Н.
М. Языкова к родным за дерптский период его
жизни (1822-1829). СПб., 1913.

СТИХОТВОРЕНИЯ, НЕ ВОШЕДШИЕ В СБОРНИК 1829 ГОДА

1. Изд. 1934, с. 213. В автографе приписка: "1"(На голос: "Как на матушке на Неве-реке..."). Сию песню я сочинил тогда, когда услышал, что Москва взята французами, 7 сентября 1812 г."

2. Изд. 1934, с. 218. Как и N3-4, датируется по указанию В. П. Раевского (Совр., 1863, N 7, с. 146).

3. Изд. 1934, с. 216. В стих, идет речь о бегстве наполеоновской армии, закончившемся в конце декабря 1812 г.

4. Изд. 1934, с. 220. В стих, использованы мотивы поэм "Старшей Эдды".

5. Изд. 1934, с. 215.

6. Изд. 1934, с. 214. Понеже (потому что) – считалось словом канцелярского ("подьяческого") языка; на нем, в частности, построена эпиграмма И. Ф. Богдановича "Понеже говорят подьячие в приказе..." (1761).

7. Изд. 1959, с. 65. Автограф записан каллиграфически, с добавлением: "С глубочайшим почтением подносит б«арон» А. Дельви́г"; на обороте рукой Кюхельбекера: "Хоть люблю я льстеца, но леств его, знай! ненавижу. Кюхельбекер". Датируется условно (по почерку, как и N 8-9); месяц определяется датой рождения Кюхельбекера (10 июня).

8. Изд. 1934, с. 222. Дельви́г помешал басни в лицейском журнале "Юные пловцы" (1813) (ПЛ, с. 253). Стих. – видимо, предисловие к серии басен.

9. Изд. 1934, с. 223.

10. ВЕ, 1814, N 22, с. 101, с подп. "Д". Клит – возможно, В. К. Кюхельбекер.

11. ВЕ, 1814, N 22, с. 98, с подп. "Д". (См.: Ранние редакции..., с назв. "Старик".)

12. ВЕ, 1814, N 21, с. 24, с подп. "Д". Адресат неизвестен. Лев, Змей, Тур – созвездия Льва, Дракона и Тельца. Илем – вяз. Описание зимы – очень популярная аллегорическая картина в XII песне "Россиады" (1779) М. М. Хераскова. Жуковский, дивными струнами... – Имеется в виду "Певец во стане русских воинов" (1812). Сова – птица Афины, символ мудрости.

13. ВЕ, 1814, N 12, с. 272, с подп. "Русский" и пометой: "Из С. – Петербурга". Первое печатное произведение Дельвига. Париж был взят 19 марта 1814 г.

14. Изв. ОЛЯ, т. 31, 1972, вып. 2, с. 183 (публ. Р. Е. Тереховой). Подражание сатирам Буало и их русским интерпретациям, в частности 2-й сатире С. Н. Марина, написанной как послание к И. И. Дмитриеву (1808), с реминисценциями (ср.: "Как можешь без труда приятно так писать" и стих. 5). В стих. упоминаются не дошедшие до нас сочинения лицеистов ("Полорд" С. С. Есакова, "Изяслав" А. М. Горчакова, "Теласко", "Алманзор" Кюхельбекера и др.).

15. ПЛ, с. 154. Дата – в копии рукой Пушкина, сделанной для Горчакова (ИРЛИ). Написано ко даю именин Горчакова 30 августа.

16. РМ, 1815, N 3, с. 266 (ранняя ред.), с подп. "Д"; Б, 1818, N 4, с. 11. В РМ стих. 27-й читался: "В Москве роскошной обитая".

17. РМ, 1815, N 5, с. 135 (ранняя ред.), под назв. "Фиялка и роза", с подп. "Д".

18. РМ, 1815, N 5, с. 136, с подп. "Д". Адресат – Таушев (Гаевский, 1, с. 50); возможно, по-

эт А. Ф. Таушев. Бомбаст – напыщенность.

19. РА, 1864, N 10, с. 1074. Упоминается в письме Илличевского П. Н. Фуссу 28 февраля 1816, наряду с N 20-22 (ПЛ, с. 63); по-видимому, об этой "балладе" идет речь и в послании Пушкина Галичу ("Где ты, ленивец мой..."),

1815).

20. РМ, 1815, N 6, с. 267, под назв. "К больному Г****" и с подп. "Д".

21. СП, 1820, кн. IV, с. 87, с подп. "Д". (См.: Ранние редакции...) Первые строки варьируют начало II эпода Горация. Стих, ценилось в лицейских кругах; Илличевский называл его "мастерским произведением"; А. М. Горчаков рекомендовал его А. Н. Пещурову в письме 3-4 апреля 1817 г. (КА, 1936, N 6, с. 199).

22. НС, с. 36. Тематически связано со стих. "К Лилете" (1814) и "Хата" (1815). В автографе – поправки Пушкина.

23. НС, с. 30. (См.: Ранние редакции...)

24. ОЗ, 1855, N 6, с. 48 (отрывок); Державин Г. Р. Поли, собр. соч., т. 9. СПб., 1883, с. 550 (полностью). Вошло в лицейские сборники. Написано, вероятно, вскоре после смерти Державина (8 июля 1816 г.). Читано в ОЛСНХ для избрания 31 января 1818 г.

25. ПЛ, с. 199 (по лицейскому сборнику). Дата в рукописи.

26. БЗ, 1859, N 5, с. 148. Пародия на стихотворение Н. Ф. Кошан-ского "На смерть графини Ожаровской" (ВЕ, 1814, N 23).

27. ПЛ, с. 31.8.

28. ПЛ, с. 157.

29. РП, с. 88.

30. ПЛ, с. 154, под назв. "К переводчику Диона" (ранняя ред.). Адресат неизвестен. Дион – видимо, стих. Дельвига "К Диону".

31. ПЛ, с. 159. (См.: Ранние редакции...)

32. РП, с. 80 (ранняя ред.).

33. РС, 1884, N 14, с. 664. Вошло в лицейские сборники. Приписывалось Пушкину.

34. НЗ, 1820, N 3, с. 62, под назв. "К Т-ой" (ранняя ред.). Вошло в лицейские сборники под назв. "Мадригал". Адресат неизвестен. (См.: Ранние редакции...)

35. ПЛ, с. 152 (ранняя ред.). В лицейских сборниках под назв. "Близость милой". Перевод стих. И. – В. Гете "Nahe der Geliebten".

36. НС, с. 44. Перевод стих. "An Iris" Х.-Э. Клейста.

37. НС, с. 51. Строфы 7-8 как отдельное стих. "К пастушке" – ЦС, с. 3; входило в лицейские сборники (РП, с. 41).

38. ПЛ, с. 150. Входило в лицейские сборники. Олицетворение наречий восходит к Жуковскому. Ср. "Очарованное Там" в "Весеннем чувстве" (1815).

39. СП, 1820, кн. XI, с. 212, с подп. "Д". Читано в ОЛРС 11 октября 1820 г. Ранняя ред. под назв. "Застольная песня" – ПЛ, с. 158. (См.: Ранние редакции...)

40. НС, с. 48. В автографе – незаконченная правка Пушкина.

41. ОЗ, 1854, N 3, отд. I, с. 18 ("Отрывок"); НС, с. 45. В рукописи – исправления Пушкина.

42. СП, 1820, кн. VI, с. 303. (См.: Ранние редакции...) Читано в ОЛСНХ 8 августа 1818 г. и в ОЛРС 12 апреля 1820 г. В автографе – правка Пушкина.

43. НС, с. 49.

44. НС, с. 50. Читано в 3-м заседании "Зеленой лампы" 17 апреля 1819 г. Темира, Дафна и Лилета... – Эти стихи привел Пушкин в 3-й строфе гл. IV "Евгения Онегина".

45. ОЗ, 1855, N 6, с. 47. Ответ на послание Пушкина "Дельвигу" ("Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...", конец 1816-1817). Дрожать пред завистью... – Ср. у Пушкина: "Так

рано зависти увидеть зрак кровавый И низкой клеветы во мгле сокрытый яд". Армениюс – по-видимому, М. Т. Каченовский, отказавший Пушкину в напечатании стихов в ВЕ (Цявловский М. А. Статьи о Пушкине. М., 1962, с. 359-364).

46. СО, 1817, N 26, с. 260. (См.: Ранние редакции...) Читано в ОЛСНХ 21 июня 1817 г. как присланная для СО от неизвестного. Написана в апреле – мае 1817 г. для лицейского выпуска 9 июня. Сочинение песни было вначале поручено Пушкину; из-за его промедления, а затем и отказа директор Лицея Е. А. Энгельгардт дал это поручение Дельвигу. Дельвиг также промедлил, и Энгельгардт составил программу песни, а затем сделал замечания к тексту, по которым Дельвиг его исправил (Гавевский, 2, с. 87). Песня (на музыку В. Теппера де Фергюсона) была популярна среди лицейстов и исполнялась при выпусках. В 1835 г. Энгельгардт издал ее отдельной брошюрой, собственноручно литографировав текст (ПЛ, с. 69, 119). Гордое терпенье. – Эту формулу перефразировал Пушкин в послании "Во глубине сибирских руд..." (1827) и Кюхельбекер в

сибирской ссылке ("Марии Николаевне Волхонской", 1845).

47. Украинский вестник, 1817, N 8, с. 228, под назв. "К П-у (в альбом)". Написано накануне выпуска из Лицея (Пушин И. И. Записки о Пушкине. Письма. [М.], 1956, с. 67), перед отъездом Дельвига в Хорол.

48. Совр., 1853, N 4, с. 26. Входило в лицейские сборники. Пока поэт еще с тобой... – Иличевский уезжал из Петербурга на службу в Сибирь; отец его был губернатором в Томске.

49. СП, 1820, кн. XI, с. 208, с подп. "Д". Читано в ОЛРС 22 марта 1820 г. (Ср. стих. Кюхельбекера "К И. П. Шульгину" – СО, 1817, N 31.) Возьми на память пук стихов. – Парафраза строки из послания В. А. Жуковского "К Батюшкову" (1812).

50. НС, с. 40.

51. Совр., 1853, N 5, с. 2 (с поправками Пушкина). Прощальное стихотворение перед выпуском. В автографе – помета Пушкина: "Простят покорно сохранить"; им исправлены стихи: 4 ("Твоей красой волшебной оживлялось"), 8 ("И вы, друзья, любили голос мой") и 9 ("Вам песни в дар от сельского поэта") и за-

черкнут стих 13. Царский сад – парк в Царском Селе.

52. НЗ, 1820, N 2, с. 87 (ранняя ред. под назв. "Элегия (К Яхонтову)". П. А. Плетнев сообщал, что стихи были написаны как письмо на другой день после выпуска (Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. 1. СПб., 1896, с. 539). (См.: Ранние редакции...)

53. Пущин И. И. Записки о Пушкине. Письма [М.], 1956, с. 391 (публикация С. Я. Штрайха по автографу из бумаг Пущина). В Изд. 1959 не вошло. Написано ко дню рождения Пущина, еще в Лицее (помета Пущина – "Лицей"). Датируется условно, по содержанию.

54. Б, 1818, N 4, с. 13. Написано во время пребывания Дельвига у родителей (июнь 1817 г. – начало января 1818 г.). Читано в ОЛСНХ 28 февраля 1818 г.

55. ОЗ, 1854, N 3, с. 17 (без последней строфы). Изд. 1934, с. 394 (полностью). По-видимому, написано в Кременчуге (в ранней ред. упоминается река Псел). (См.: Ранние редакции...)

56. Совр., 1853, N 5, с. 12. Дата в автографе. Читано в ОЛСНХ ("Хижина") 28 февраля 1818 г.

В автографе – пометы Пушкина.

57. НС, с. 42.

58. Б, 1818, N 12, с. 267. Читано в ОЛСНХ 16 мая 1818 г.

59. НС, с. 38. Читано в ОЛСНХ 8 августа 1818 г. под назв. "К Елене в альбом". Душенька – героиня одноименной поэмы И. Ф. Богдановича.

60. НС, с. 29. Начинает рукописную тетрадь стихов.

61. СП, 1819, кн. XI, с. 96, с подп. "Д". (См.: Ранние редакции...) В одном из автографов название "Ларец"; под назв. "Мой ларец. Подражание немецкому" читано в ОЛСНХ во 2-й пол. 1819 г. и в ОЛРС. Был ли слеп... – Намек на Гомера.

62. Совр., 1853, N 5, с. 14 (стихи 1-2). Печ. по НС, с. 32. "Все суета! все сон!" – ироническая парафраза из книги Екклезиаста, сочинение которой приписывается царю Соломону.

63. НС, с. 35. Рукопись перечеркнута Пушкиным, сделавшим надпись: "Сохранить оборот и сделать прелесть".

64. Совр., 1853, N 5, с. 31, с пропуском стиха 7; полностью – Изд.

1934, с. 303. Ответ на послание Е. А. Баратынского "К Дельвигу" ("Так, любезный мой Гораций...", 1819).

65. Б, 1820, N 2, с. 118, с подп. "Д". В автографе название "К Елене". Адресовано Е. А. Кильштедт-Боровковой. Кюхельбекер оценивал это стихотворение как "легкую прелестную безделушку" (НЗ, 1820, N 2, с. 126).

66. Изд. 1934, с. 395. Написано в период совместной жизни Дельвига и Баратынского (А. И. Дельвиг, т. I, с. 48). Исполнялось в дружеском кругу и на лицейских годовщинах. Пародийно варьирует мотивы библейских книг и французских "вакхических" куплетов. Любил плясать король Давид... – Ср. в Книге Самуила (6, 14-16) упоминание, что Давид прыгал перед ковчегом.

67. Совр., 1853, N 5, с. 13.

68. СП, 1820, кн. III, с. 314, с подп. "Д". Читано в ОЛРС 22 марта 1820 г. Вызвало резкие нападки Н. А. Цертелева ("Житель Васильевско-

го острова") -

Б, 1820, N 13.

69. НЗ, 1820, N 2, с. 94, вместе со стих. "Надпись на статую флорентийского Меркурия". Сюжет восходит к известной камее Протарха (II в. до н. э.).

70. НС, с. 33. Представлено в ОЛРС в марте 1820 г.; 22 марта цензор поэзии А. А. Крылов, допуская стих, к печати в СП, выразил сомнение в возможности пропуска его гражданской цензурой. В СП оно не появилось. Ответом на эти стихи является стих. Кюхельбекера "Поэты" (читано в ОЛРС 22 марта 1820 г.), вызвавшее донос В. Н. Каразина (см. вступ. ст.).

71. Совр., 1854, N 1, с. 32.

72. НС, с. 61. Адресат не установлен.

73. НС, с. 58.

74. Совр., 1853, N 5, с. 35 (не полностью); полнее – Поли. собр. соч. барона А. А. Дельвига. СПб., 1887, с. 78. Обращено к Е. А. Баратынскому. В послании фразеологическая переключка со стих. К. Н. Батюшкова "Ложный

страх (Из Парни)", возможно, сознательная, так как поэтическая идея прямо противоположна.

75. Совр., 1853, N 5, с. 15.

76. НС, с. 59.

77. СО, 1820, N 38, с. 233, без подп. Направлена против статьи А. Ф. Воейкова о "Руслане и Людмиле" (СО, 1820, N 34-37). Об этой эпиграмме как о дельвиговской сообщал А. Е. Измайлов в письме П. Л. Яковлеву 23 сентября 1820 г.

78. Совр., 1853, N5, с. 15 (отрывок); полностью – НС, с. 62.

79. СП, 1821, кн. III, с. 399. Читана в ОЛРС 13 декабря 1820 г.

80. НС, с. 65 и Верховский, с. 17. Печ. по: Верховский, где дана последняя редакция (автограф ЦГАЛИ). С А. А. Крыловым Дельвигом был знаком по ОЛРС и через Плетнева, его сослуживца по Педагогическому институту. См. примеч. к стих. N 17. Послание Крылову написал также Баратынский ("Крылову" – ("Любви веселый проповедник...", 1820); известно также послание Крылова В. К. Кюхельбекеру. Позднее Крылов выступил против "союза по-

этов" (см.: Поэты 1820-х – 1830-х гг., т. 1, с. 239).

81. НС, с. 67. Адресат – вероятно, жена Г. И. Спасского.

82. Совр., 1853, N 5, с. 37. Написано летом 1821 г., когда Баратынский с полком прибыл в Петербург из Финляндии. Гераклит упоминается здесь как обозначение "плачущего мудреца", пессимиста. Почерпнувший свои познания В мадам Жанлис... – О. Сомов перевел сочинение Жанлис "О надписях" (Б, 1819, N 7, 12; 1820, N 18). Житель Острова – кн. Н. А. Цертелев (см. примеч. к стих. N 68).

83. Русская потаенная литература XIX столетия. Лондон, 1861, с. 202. Перевод песни "Le bon dieu" (1820); по воспоминаниям А. И. Дельвига, "этот перевод тогда всех очень занимал".

84. Совр., 1853, N 5, с. 48.

85. ЦС, 1830, с. 138, с подп. "Б. Д.". Перевод песни А. Коцебу "Es kann doch nicht immer so bleiben...". Написано летом 1822 г., когда Дельвиг вместе с В. А. Эртелем и Н. И. Павлицевым приехал в Финляндию навестить Баратынского. По воспоминаниям В. А. Эртеля, в переводе участвовали также Баратынский,

Эртель и Д. А. Эрстов. В жанрово-стилистическом отношении близко к стих. "19 октября 1824 г."

86. НЛ, 1823, N 6, с. 95, с подп. "Б. Д-х". Адресовано С. Д. Пономаревой.

87. ПС, вып. 13. СПб., 1910, с. 41. 19 октября – годовщина основания Лицея, ежегодно отмечавшаяся I выпуском. В 1822 г. празднование было на квартире Илличевского; пелись куплеты его и Дельвига. Лицейский Мудрец – рукописный журнал I выпуска (1815), где были помещены так называемые "национальные песни" лицеистов. Скотобратские сердца – от товарищеского словечка "скотобратцы", которым лицеисты обозначали свой кружок.

88. НС, с. 68. Вписано в альбом С. Д. Пономаревой как посвящение к сонетам.

89. Совр., 1854, N 9, с. 44.

90. СЦ на 1832, с. 4 (посмертная публикация), с предисловием, по-видимому, О. Сомова, где сказано: "Элегия "К Морфею" сочинена была еще до 1824 года". Возможно, эта дата указывает на связь стих, с С. Д. Пономаревым, умершей 4 мая 1824 г. (Сомов, как и Дельвиг, был сильно увлечен Пономаревой).

91. СП, 1824, ч. 27, кн. I, с. 6. В автографе название "К С. Д. П-ой" (Пономаревой). 16 февраля 1823 г. А. Е. Измайлов писал П. Л. Яковлеву, что "барон Дельви́г был при смерти болен...".(См.: П. Иссл. и мат., т. VIII. Л., 1978, с. 157, 191).

92. НС, с. 70. Обращено к С. Д. Пономаревой.

93. Совр., 1854, N I, с. 34. Возможно, имеется в виду собака Пономаревой.

94. РА, 1871, N 7-8, с. 1001 (копия, пересланная А. Е. Измайловым И. И. Дмитриеву). Пародия гимна "Гром победы раздавайся" (1791) со стихами Державина и музыкой Козловского (см.: А. И. Дельви́г, I, с. 48). По реалиям датируется 1823-1824 гг. 5 вашей славе он погас... – Ср. эпиграмму Пушкина: "Тимковский царствовал – и все твердили вслух...". Князь – А. Н. Голицын; стихи написаны до его отставки в мае 1824 г. Член тюремный и Библейский... – Красовский был одним из директоров Общества попечительства о тюрьмах.

...Даже в Глинкиных стихах. – В 1823 г. А. С. Шишков в записке о цензуре приводил в пример вычерки Бирукова в стих. Глинки "Земная грусть".

95. Совр., 1854, N 2, с. 39 (отрывки); РА, 1871, N 7-8, с. 1007 (контаминация текстов Дельвига и Остолопова); РС, 1890, N 6, с. 677 (по копии Измайлова из архива Хвостова); ПС, вып. V, с. 157 (по копии Керн); ПЛ, с. 196 (по автографу). Датируется 1824 годом (после выхода "Замка Смальгольм"). О происхождении пародии сохранился рассказ А. И. Дельвига: "Когда Жуковский написал "Замок Смальгольм", все прельщались этим стихотворением и, между прочими, Пономарева, которая раз сказала Дельвигу, что он не в состоянии написать ничего подобного. Дельвиг, конечно в шутку, отвечал, что, напротив, ничего нет легче, и,ходя по комнате с книгою, в которой был напечатан "Замок Смальгольм", он его пародировал очень удачно" (А. И. Дельвиг,!, с. 49). Согласно Гаевскому (писавшему со слов А. И. Дельвига и Д. А. Эристова), пародия была сочинена в присутствии Измайлова и по его требованию на собрании у Пономаревой. Измайлов одобрял пародию; впоследствии ее с большим удовольствием слушал и Жуковский (Совр., 1854, N 2, с. 39). Впервые Измайлов сообщал об этой "очень удачной пародии

из "Дунканова вечера" в письме П. Л. Яковлеву от 16 января 1825 г.; 6 апреля он переслал ее И. И. Дмитриеву вместе с "продолжением", направленным против самого Дельвига и принадлежавшим, по-видимому, Н. Ф. Остолопову (РА, 1871: N 7-8, с. 989; см. также примеч. к "Певцам 15-го класса"; текст подлинной пародии см.: Керн, с. 80). Рассказ А. И. Дельвига по реалиям относится к февралю-апрелю 1824 г. (кн. II СП со стих. Жуковского вышла в феврале, Пономарева умерла 4 мая). Пески – район Петербурга (ныне 1-8 Советские улицы), где в доме Моденовых жил Измайлов. Желтый дом – здесь в двойном значении: желтого цвета и дом сумасшедших. Где на Олина грозно вдвоем напирал... – Речь идет о нелепых придирках А. И. Красовского и А. С. Бирукова к стих. В. Н. Олина "Стансы к Элизе" (апрель 1823 г.); замечания цензоров и ответы Олина широко распространялись в списках, в том числе и самим Oliным. (См.: Поэты 1820-х – 1830-х гг., т. 1, с. 707.) Соскочивши на Конной с саней у столба... – А. П. Керн рассказывала: "Вскоре после того, как мы читали эту прекрасную пародию, барон Дельвиг ехал ку-

да-то с женой в санках через Конную площадь; подъезжая к будке, он сказал ей очень серьезно: "Вот, на самом этом месте соскочил с саней Александр Ефимович с Песков и у этой самой будки он крикнул Бориса Федорова". Мы очень смеялись этому точному указанию исторической местности" (Керн, с. 80).

96. Изд. 1934, с. 399. Стихи не закончены. – Адресат неизвестен.

97. А. И. Дельвиг, т. I, с. 49. 4 декабря 1824 г. А. Е. Измайлов передавал П. Л. Яковлеву анекдот о наводнении в Петербурге, во время которого по Невскому проспекту плыли кошка и крыса и не ссорились между собою. "А в самое то время, – подхватил Греч, – ехали же по Невскому проспекту на спинах мужиков Борис Федоров и барон Дельвиг. Последний кричал: "Федорова Борьки Мадригалы горьки" и проч., а первый: "Дельвига баронки Пакостны стишонки" и т. д.". Приписывалось Пушкину (см. коммент. М. И. Гиллельсона в РЭ, с. 773).

98. ПС, вып. 13, с. 41. Лицейская годовщина 1824 г. праздновалась на квартире Вольховского, Стевена и М. Яковлева, живших совместно. Стихи Дельвига – экспромт на пес-

ню А. Коцебу "Es kann doch nicht immer so bleiben"(см. N 32), пропетую в заключение вечера...Милый начальник – Е. А. Энгельгардт.

99. ПС, вып. 13, с. 43. Третье стих. Дельвига на лицейские годовщины; импровизация на мелодию песни из "Волшебного стрелка".

100. ПС, вып. 13, с. 45. Стихи на лицейскую годовщину 19 октября 1826 г. Что мы двух друзей не зрим... – Пущина и Кюхельбекера, сосланных в Сибирь.

101. РА, 1885, N 3, с. 461.

102. СЦ на 1832, с. 6. В предисловии указано: "Сонет к российскому флоту, написанный в Ревеле в 1827 году, до самой кончины поэта был тайной даже для друзей его".

103. СВ, с. 680. По рассказу А. И. Дельвига, С. А. Соболевский однажды (в 1827 г.) заснул на диване у Дельвигов и книга Беранже, выпавшая из его рук, "была объедена большою собакою Дельвига" (т. I, с. 73). Стихи пелись по вечерам в кружке (Керн, с. 79).

104. СВ, с. 681. Экспромт, присланный А. П. Керн через С. М. Дельвиг из харьковской поездки 1828 г.

105. СЦ на 1829, с. 176.

106. Молодик, ч. I. СПб., 1843, с. 105. О Щербининой С. М. Дельви́г писала А. Н. Семеново́й. (См.: Модзалевский, с. 221.)

107-108. СЦ на 1832, с. 7-8, с примеч.: "Две "русские песни" – из коих одна не кончена – хранились в портфеле сочинителя более двух лет: он все еще хотел отделать их окончательно". Реалии в тексте (упоминание "турецкой границы" и "закавказских молодцов") указывают на персидскую (1826-1828) и турецкую (1828-1829) кампании.

109. Денница... на 1830, с. 166. ("См. примеч. к письму N 99.)

110. СЦ на 1830, с. 25. По воспоминаниям Пушкина, эта идиллия, "написанная в самый год (...) смерти" Дельвига, была в первый раз рассказана ему "еще в лицейском зале, после скучного математического класса" (Пушкин, XII, с. 338). Б. В. Томашевский предполагал здесь ошибку Пушкина (Изд. 1959, с. 329); однако, по-видимому, воспоминание эта соответствует действительности. Сюжет "Отставного солдата" очень близок сюжету идиллии "Костер в лесу" ("Das Feuer im Walde") Л.-Г.-Х. Гельти (в редакции Фосса). Гельти Дельви́г

внимательно читал в лицейские годы; можно думать, что уже тогда у него возник национальный вариант сюжета. Писалась идиллия, вероятно, уже в 1829 г. Сохранилась копия с правкой и критическими замечаниями Е. А. Баратынского; большинство их относилось к отступлениям в ранней редакции от национального, колорита и "наивного" тона рассказа солдата (см.: Изд. 1959, с. 329-331).

111. СЦ на 1830, с. 126. Эту идиллию Дельви́г начал писать в ноябре 1825 г. для В. И. Григоровича (см. письмо N 53); окончательная редакция, вероятно, относится к 1829 г.

112. ЛГ, 1830, N 55, 28 сентября, с. 152, с подп. "Z". Надпись на экземпляре Изд. 1829, подаренном Дельви́гом Плетневу (ИРЛИ). Субботы – собрания у Плетнева.

113. СВ, с. 688. Экспромт, сочиненный во время поездки Дельви́гов вместе с М. И. Глинкой, О. М. Сомовым и А. П. Керн на Иматру 28 июня – 1 июля 1829 г. Шутка Дельви́га касается неудачной попытки путников пообедать на станции, где "оказалась только *плоховина* (это, извольте видеть, рыба *лоховина*) и нечто вроде кваса, *свадрик*". Наутро Дельви́г сумел

достать провизию и, приглашая спутников к
завтраку, сказал четверостишие (Керн, с. 62,
65,

114. СЦ на 1830, с. 10.

115. Песни русских поэтов. Л., 1950, с. 147. Печ. по: Изд. 1959, с. 216. Здесь в первой строке слово "мелкий" заменено на "частый" в соответствии с воспоминаниями М. И. Глинки: "Помнится, что вскоре по возвращении с Иматры <...> Дельвиг написал мне романс: "Не осенний частый дождичек...". Музыку на эти слова я впоследствии взял для романса Антонины "Не о том скорблю, подруженьки..." в опере "Жизнь за царя" (Глинка М. И. Записки. М.; Л., 1939, с. 95).

116-120. СЦ на 1830, с. 52, 65, 64, 53, 76.

121. Изд. 1934, с. 384. Обращено, по-видимому, к С. М. Дельвиг. (В автографе тщательно зачеркнуто.)

122. ЛГ, 1830, N 48, 24 августа, с. 92, без подп. Авторство раскрыто в оглавлении газеты (т. II).

123. Изд. 1934, с. 380.

124. ОЗ, 1839, т. I отд. III, с. 1 (по автографу,

хранившемуся у М. Л. Яковлева).

125-127. Изд. 1934, с. 399, 383, 398.

128. СЦ на 1832, с. 9, с примеч.: "Отрывок заключает в себе хор духов из драмы, в которой барон Дельвиг хотел дать полное развитие свободной фантазии. План сей драмы был уже набросан и вместе с оным уцелело несколько хоров, по большей части недоконченных". По предположению Б. В. Томашевского, "драма" – "Ночь на 24 июня".

129. Изд. 1934, с. 399. Набросок относится к какому-то замыслу, включавшему мотивы "Слова о полку Игореве" (ср. также упоминаемую Гаевским и не дошедшую до нас песню о Всеславе и "Рождение Леля" с подзаголовком "Песни молодого Баяна").

130. Совр., 1853, N 5, с. 13.

131. Изд. 1934, с. 400.

132. Изд. 1934, с. 387.

133. ПС, вып. V, с. 157. По воспоминаниям Керн, Дельвиг, любивший вкусный стол, "не любил обедать у стариков Пушкиных, которые не были гастрономы, и в этом случае он был одного мнения с Александром Сергеевичем. Вот, по случаю обеда у них, что раз Дель-

виг писал Пушкину" (следует текст) (Керн, с. 87).

134. НС, с. 69.

**This file was created
with BookDesigner program
bookdesigner@the-ebook.org
01.10.2008**